Opp. 665 P/2

3453 n/71

СОЧИНЕНІЯ
И. И. ДМИТРІЕВА.

Il veut le souvenir de ceux qu'il a chéris.

Bo Dg
D-53
ИЗ КНИГ
А.В. КОНОРЕВА

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Изданіе пятое,

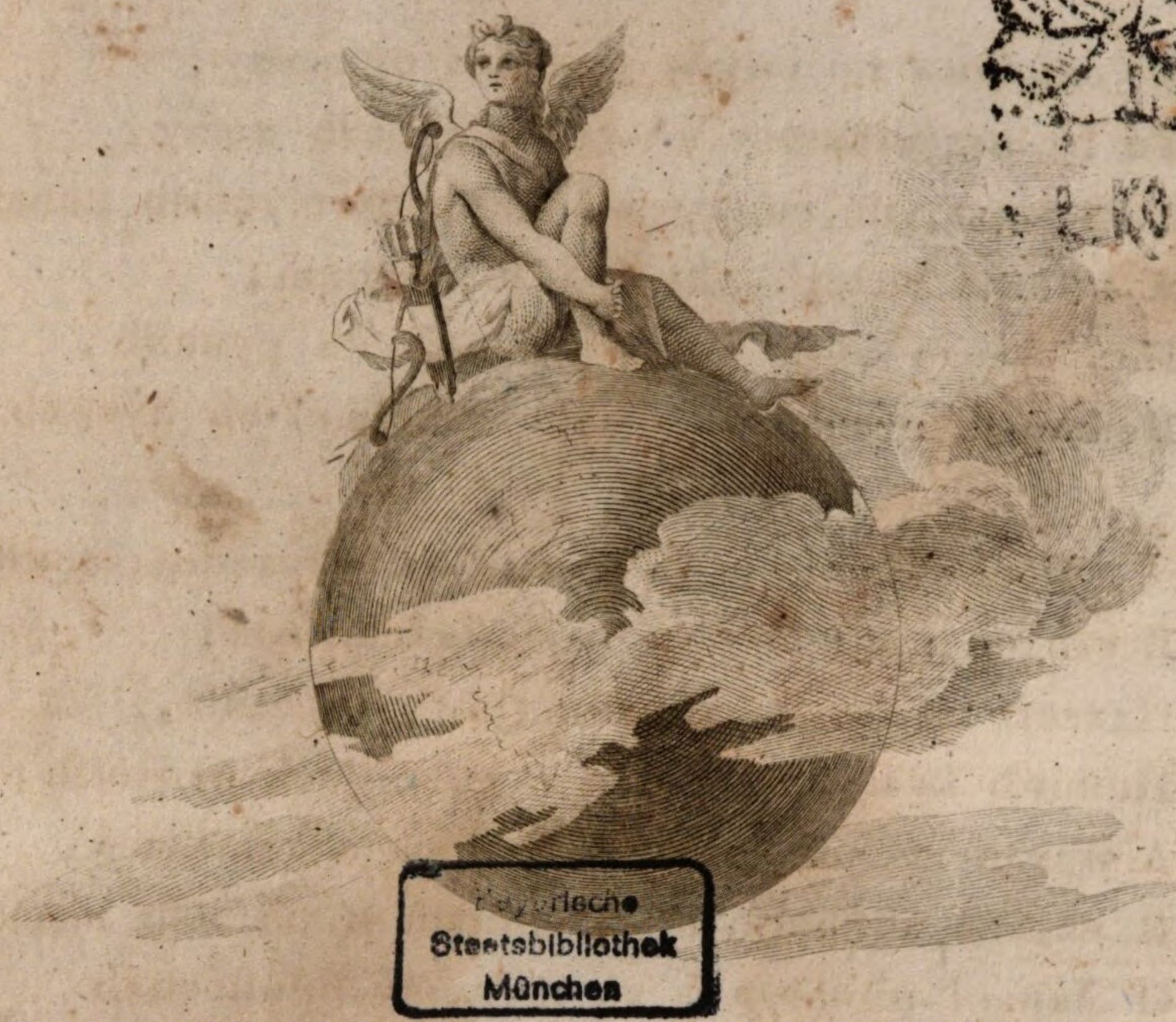
исправленное и умноженное.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1818.

Fg/72/158

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Апрѣля 30го дня 1817 года. *Ординарный Профессоръ, Коллежскій Совѣтникъ и Цензоръ Михаилъ Снѣгиревъ.*

СМѢСЬ.



Bayerische
Staatsbibliothek
München

ТИБУЛЛОВА ЭЛЕГІЯ.

Пускай кто многими землями обладаетъ,
Въ день копитъ золото, а въ ночь не досыпаетъ,
Страшася и во снѣ военныя трубы:
Тибуллъ унизилсябъ, желавъ его судьбы;
Тибуллъ въ убожествѣ, незнатенъ . . . . но доволенъ,
Когда онъ въ хижинкѣ своей, спокоенъ, воленъ,
Живетъ съ надеждою, съ любовію, въ троемъ,
И полный властелинъ въ владѣніи своемъ.
Хочу, и дѣлаю: то въ скромномъ огородѣ
Душисты рву цвѣты и гимнъ пою Природѣ;

То тропки по снуру прямыя провожу,
То за прививками младыхъ деревъ хожу,
То гряды, не стыдясь, самъ заступомъ копаю;
А иногда воловъ лѣнивыхъ загоняю;
Иль весело бѣгу съ барашкомъ на рукахъ,
Который позабытъ былъ матерью въ лугахъ.

Богамъ усердный жрецъ, я первенцы земные
Всегодно приношу на олтари святые:
Палесѣ жертвую домашнимъ молокомъ,
Помонѣ каждымъ вновь родившимся плодомъ;
А предъ тобой всегда, Церера златовласа,
Я вѣшаю вѣнокъ, сплетенный мной изъ класа.
О Лары! нѣкогда я въ жертву приносилъ
Прекрасныхъ вамъ тельцовъ: тогда . . . богатъ я былъ!
А нынѣ и овна считаю важнымъ даромъ.
Но я и въ бѣдности благодаренья съ жаромъ
Любимаго изъ нихъ закланію предамъ;
Да воскурится паръ отъ жертвы къ небесамъ
При пѣсняхъ юности безпечной и веселой,
Просящей отъ Небесъ вина, иль жатвы зрѣлой!
Услышьте, боги, нашъ сердечный, кроткій гласъ,
И скудные дары не презрите отъ насъ!
Первоначальный даръ вамъ, боги, посвященный,
Простѣйшій былъ сосудъ, изъ глины сотворенный.

Я о родительскомъ богатствѣ не тужу;
Безпечно дней моихъ остатокъ провожу;
Работаю, смѣюсь, иль съ Музами играю,
Или подъ тѣнію древесной отдыхаю,
Которая меня прохладою даритъ.
Сквозь солнца иногда дождь мѣлкой чуть шумитъ:
Я слушаю его, по малу погружаюсь
Въ забвеніе, и сномъ пріятнымъ наслаждаюсь;
Иль въ мрачну, бурну ночь, въ объятіяхъ драгой,
Не слышу и грозы, гремящей надо мной.
Вотъ сердца моего желанья и утѣхи!
Пускай Мессалѣ льстятъ оружія успѣхи,
Одержанныя имъ побѣды на войнѣ;
Пускай, подъ лаврами, на гордомъ онъ конѣ,
Съ полками пленниковъ, при плескахъ въ Римъ вступаетъ
И славы своея лучами поражаетъ;
А я . . . пускай отъ всѣхъ останусь забвенъ!
Пусть скажутъ обо мнѣ, что робкимъ я рожденъ,
Но Деліи вовѣкъ не огорчу разлукой;
Одна ея слеза былабъ мнѣ тяжкой мукой.
Прочь, слава! не хочу жить въ будущихъ вѣкахъ;
Пребудь лишь ты въ моихъ, о Делія! глазахъ:
Съ тобой и дика степь Тибуллу будетъ раемъ;
Съ тобою онъ готовъ быть зноемъ пожигаемъ
И ночи на сырой землѣ препровождать.
Ахъ! можетъ ли покой и одръ богатый дать

Тому, кто одинокъ, а съ пламенной душою?
О Делія! я жизнь лишь чувствую тобою;
Одинъ твой на меня умильный, страстный взглядъ
Безцѣннѣй всѣхъ честей, тріумфовъ и наградъ!

Но все пройдетъ . . . увы! и Деліи не станетъ!
Быть можетъ . . . нѣтъ! пускай твой прежде другъ увянетъ;
Пускай, когда чреда отжить ему придетъ,
Еще онъ на тебя взоръ томный возведетъ;
Еще, готовяся на вѣчную разлуку,
Дрожащею рукой сожметъ твою онъ руку,
Вздохнетъ . . . . и на твоей груди испуститъ духъ.

О Делія! душа души моей и другъ!
Ужель на мой костеръ ни слезки не уронишь?
Нѣтъ! сердце у тебя не каменно: ты стонешь,
Рыдаешь, Делія! — и нѣжныя сердца
Желаютъ моему подобнаго конца.

Исчезни, грустна мысль! что будетъ, не минуетъ:
Почтожь душа моя до времени тоскуетъ?
Еще Сатурнъ моихъ не осребрилъ власовъ?
Еще я крѣпокъ, здравъ, по благости боговъ;
Не унывай, Тибуллъ, и пользуйся годами!
Укрась чело свое ты свѣжими цвѣтами,

И посвяти любви сей быстрый жизни часъ,
Въ который жаркій споръ утѣхою для насъ
И смѣлый, дерзкій шагъ есть подвигомъ геройства:
Отважность и любовь, то молодости свойства.
Начальствую ль какъ вождь, иль самъ я предводимъ,
Равно я въ сей войнѣ великъ, неутомимъ;
Сверни же предо мной знамена, Марсъ кровавой!
И не прельщай меня безсмертной въ мірѣ славой.
Готовь трофеи ты съ увѣчьемъ для другихъ:
Предъ ними всѣ вѣнцы! я щастливъ и безъ нихъ;
Богатства не хочу, а нужное имѣю,
И что всего милѣй — я Деліей владѣю!

СЧЕТЪ ПОЦѢЛУЕВЪ.

Прелестна Лизанька! на этомъ самомъ полѣ,
Подъ этой липою, ты слово мнѣ дала
Сто поцѣлуевъ дать; но только сто, не болѣ.
Ахъ, Лиза! видно ты ввѣкъ страстной не была!
Дай сто, дай тысячу, дай тьму — все будетъ мало
Для сердца, что къ тебѣ любовью воспылало!
Послушай, Лизанька; который изъ боговъ
На расточеніе былъ скупъ своихъ даровъ?
Благотворить, не знавъ предѣловъ, вотъ ихъ мѣра!
Считала ли Церера
Всѣ класы, коими она
Чело Природы украшаетъ,
Когда ее обогащаетъ?
И Флора милая, съ которой ты сходна
Пріятностью, красою,
Не щедроюль, скажи, рукою
Кидаетъ на землю душистые цвѣты?
Иль нѣжнаго возьми въ примѣръ Зефира ты:
Онъ вѣчно росписи не знаетъ
Всѣмъ розамъ, кои здѣсь въ кусточкахъ лобызаетъ.

По каплѣль падаетъ небесная вода
Для освѣженія полей, луговъ отъ зною?
Не правда ли, что иногда
Юпитеръ льетъ ее рѣкою?
Жалѣлаль для цвѣтовъ своихъ Аврора слезъ?
Нѣтъ! миръ свидѣтель въ томъ, что жители небесъ
И худо и добро, все сыплютъ къ намъ безъ мѣры.
А ты, совмѣстница Венеры,
Которой сынъ ея вручилъ такую власть,
Что взглядомъ можешь въ насъ рождать безсмертну страсть;
Ты, Лиза, ты теперь . . . ахъ! можетъ ли то статься?
Ты хочешь хладной быть и съ богомъ симъ считаться!
Жестокая! скажи, считалъ ли я хоть разъ,
Сколь много пролилъ слезъ отчаянья изъ глазъ;
Сколь часто, посреди восторговъ и желаній,
Я сердце надрывалъ отъ вздоховъ и стенаній?
Сочти всѣ горести, стѣснявшія мнѣ грудь,
И послѣ ты сама судьею нашимъ будь.
Но, нѣтъ! смѣшаемъ все, и радости и муки;
Пади, любезная, пади въ мои ты руки!
Позволь, чтобъ я тебя безъ счета цѣловалъ
За столько, столько слезъ . . . которыхъ не считалъ.

ПРИЗНАНІЕ.

Темира! виноватъ; ты точно отгадала.
Прости! все лгалъ передъ тобой;
Любовь моя къ другой,
А не къ тебѣ пылала;
Другою день отъ дня,
Часъ отъ часу прельщался болѣ:
Другой по всѣмъ мѣстамъ искалъ я по неволѣ,
Жестокости ея кляня.
Равно и въ пѣсняхъ нѣтъ ни слова,
Которое бы я отъ сердца написалъ:
„*Прелестная! мой богъ! жестокая! сурова!*"
Всѣмъ этимъ я тебя для риѳмы называлъ.
Такъ точно; я вздыхалъ, лилъ слезы предъ тобою,
А въ сердцѣ занятъ былъ тогда совсѣмъ другою,
Да что въ тебѣ и есть? Согласенъ . . . милый взглядъ . . .
Отмѣнной бѣлизны зубовъ прекрасныхъ рядъ...
Густые волосы — какихъ конечно мало:
Для трехъ бы Грацій ихъ достало . . . .
Двѣ ямки на щекахъ, вмѣстилище заразъ . . .
Любезность, умъ — и все тутъ было —
Пустое, чтобъ кому изъ насъ
Все это голову вскружило!

СИЛА ЛЮБВИ.

Кто въ страсти не ревнивъ? И можно ли дивиться,
Что сердце, плѣнное тобой, всего страшится,
И думаетъ, что ты, душа души моей,
Не меньше какъ и мнѣ, мила Природѣ всей?
Такъ! все въ Природѣ духъ мой ревностью смущаетъ:
И солнце, кажется, ярчѣй къ тебѣ пылаетъ;
Нѣжнѣе, чѣмъ другихъ, и рѣзвый вѣтерокъ
Касается тебя сквозь флеровой платокъ;
И даже воздухъ тотъ — пускай всю слабость знаешь —
Который ты съ своимъ дыханіемъ мѣшаешь,
И воздухъ, словомъ — все, мнѣ кажется, со мной
Прельщается тобой!

ЭЛЕГІЯ.

Коль надежду истребила
Въ страстномъ сердцѣ ты моемъ:
Хоть вздохни, тиранка мила,
Ты изъ жалости по немъ!
Дай хоть эту мнѣ отраду,
Чтобъ я жизнь мою влачилъ,
Бывъ увѣренъ, что въ награду
Я тобой жалѣемъ былъ!
Еслибъ въ нашей было волѣ
И любить и не любить:
Сталъ ли-бъ я въ злощастной долѣ
Потаенно слезы лить?
Нѣтъ! на ту, котора къ гробу
Веселясь мнѣ кажетъ путь,
За ея жестокость, злобу,
Не хотѣлъ бы и взглянуть.
Но любовь непостижима!
Будь злодѣйкою моей —
Будешь все боготворима,
Будешь сердцу всѣхъ милѣй!
О жестокая! . . . любезна!
Смѣйся, смѣйся, что терплю!
Я достоинъ — участь слезна!
Презрѣнъ, стражду, и . . . люблю!

ГОРЛИЦА и ПРОХОЖІЙ.

Прохожій.

Что такъ печально ты воркуешь на кусточкѣ?

Горлица.

Тоскую по моемъ дружочкѣ.

Прохожій.

Не ужель онъ тебѣ невѣрный измѣнилъ?

Горлица.

Ахъ, нѣтъ! стрѣлокъ его убилъ.

Прохожій.

Нещастная! страшись и ты его руки!

Горлица.

Что нужды! вѣдь умружь съ тоски.

СПОРЪ НА ОЛИМПѢ.

Юпитеръ.

Прочь, слабое дитя! не будь въ моихъ очахъ;
Иль гряну громомъ, и ты прахъ!

Амуръ.

Для лука моего Перунъ твой не опасенъ:
Дитя, какъ я, и самъ ужасенъ!

Юпитеръ.

Надменный! видишь ли Гагантовъ жребій злой,
Попранныхъ громовой стрѣлой?

Амуръ.

А ты, гремящій богъ! взгляни на прелесть Леды —
И будь же лебедь, въ знакъ побѣды.

ПѢСНИ.

I.

Видѣлъ славный я Дворецъ
Нашей Матушки - Царицы,
Видѣлъ я Ея вѣнецъ
И златыя колесницы.

Все прекрасно! я сказалъ,
И въ шалашъ мой путь направилъ:
Тамъ меня мой ангелъ ждалъ,
Тамъ я Лизаньку оставилъ.

Лиза, рай всѣхъ чувствъ моихъ!
Мы не знатны, не велики;
Но въ обьятіяхъ твоихъ
Меньше ль щастливъ я Владыки?

Царь одинъ веселій часъ
Милліономъ покупаетъ;
А Природа ихъ для насъ
Вѣчно даромъ расточаетъ.

Пусть пѣвцы не будутъ плесть
Мнѣ похвалъ кудрявымъ складомъ:
Ахъ! сравню ли я ихъ лесть
Милой Лизы съ нѣжнымъ взглядомъ?

Эрмитажъ мой — огородъ;
Скипетръ — посохъ; а Лизета
Моя слава, мой народъ
И всего блаженство свѣта!

II.

О любезный! о мой милой!
Гдѣ ты власть небесну взялъ?
Ты своей волшебной силой
Нову жизнь и душу далъ.
Прочь, печали и напасти!
Прочь, заботы! васъ ужь нѣтъ:
Покоряся нѣжной страсти,
Я гляжу на новый свѣтъ.
Все въ немъ лучше, веселѣе,
Все объ миломъ говоритъ;
Даже солнышко свѣтлѣе
Для меня теперь горитъ;
Даже я сама кажуся,
Милый, лучше отъ тебя;
Величаюся, горжуся,
Больше чувствую себя;
Лучше, кажется, играю
И пріятнѣе пою;
Все мнѣ рай и всѣмъ питаю
Страсть, любовь къ тебѣ мою;
Страсть, навѣки воспаленну —
Что скажу я наконецъ?....
Ты украсилъ всю вселенну,
Ты мой ангелъ, мой творецъ!

III.

Други! время скоротечно,
И не видишь, какъ летитъ!
Молодыми быть не вѣчно;
Старость въ мигъ насъ посѣтитъ.
Что же дѣлать? такъ и быть!
Въ ожиданьи будемъ пить.

Пусть аракъ ума убавитъ
Между насъ у остряковъ!
Онъ сердца за то заставитъ
Говорить безъ колкихъ словъ.
Лучшій способъ дружно жить:
Меньше врать, а больше пить.

Посмотрите какъ уныла
Вся Природа на земли:
Осень рощи обнажила;
Ахъ! и розы отцвѣли.
Какъ же грусть намъ усладить?
Чаще пуншъ съ аракомъ пить.

О аракъ, аракъ чудесный!
Ты весну намъ возвратилъ;
Ты согрѣлъ какъ Май прелестный,
Щеки розами покрылъ.
Чѣмъ же намъ тебя почтить?
Вдвое, втрое больше пить.

IV.

Юность! юность! веселися,
Веселись, пока цвѣтешь.
Пой, пляши, люби, рѣзвися!
Ахъ! и ты какъ тѣнь пройдешь!

Други! матери-Природы
Слышите ль пріятный гласъ?
Составляйте жь хороводы,
Пойте, вашъ доколѣ часъ.

Въ жизнь однажды срокъ утѣхамъ;
Пролетя, не придутъ вновь!
Дайте руку играмъ, смѣхамъ,
Призовите и любовь.

А пѣвца, который съ вами
Ужь рѣзвиться устарѣлъ,
Увѣнчайте хоть цвѣтами,
Чтобъ еще онъ вамъ пропѣлъ.

Юность! юность! веселися,
Веселись, пока цвѣтешь.
Пой, пляши, люби, рѣзвися!
Ахъ! и ты какъ тѣнь пройдешь!

V.

Безъ друга и безъ милой
Брожу я по лугамъ;
Брожу съ душей унылой
Одинъ по берегамъ.
Тамъ тѣ же все встрѣчаю
Кусточки и цвѣтки;
Но, ахъ! не облегчаю
Ничѣмъ моей тоски!

Срываю я цвѣточикъ,
И въ мысляхъ говорю:
Кому сплести вѣночикъ?
Кого имъ подарю?
Со вздохомъ тутъ катится
Изъ сердца слезный токъ,
И изъ руки валится
Увядшій въ ней цвѣтокъ.

Во времена щастливы,
Бывало, въ жаркой день,
Развѣсистыя ивы!
Иду я къ вамъ подъ тѣнь.
Пошлете ль днесь отраду
Вы сердцу моему?
Ахъ! сладко и прохладу
Вкушать не одному!

Все, все постыло въ мірѣ!
И персты ужь мои
Не движутся на лирѣ,
Лишь слезъ текутъ струи.
Престань же пѣть, нещастный!
И лиру ты разбей;
Не слышенъ голосъ страстный
Душѣ души твоей.

VI.

Тише, ласточка болтлива!
Тише, тише; полно пѣть!
Ты съ зарею вновь щастлива —
Ахъ! а мнѣ пришло терпѣть.
Я разстаться долженъ съ милой
На зарѣ, къ моимъ слезамъ . . . .
О луна! твой свѣтъ унылой
Краше солнышка былъ намъ!
Тише, ласточка болтлива!
Тише, тише; полно пѣть!
Ты съ зарею вновь щастлива —
Ахъ! а мнѣ пришло терпѣть.
Знать и сонная мечтала
О любови ты своей:
Ты къ утѣхамъ рано встала,
А я къ горести моей!
Тише, ласточка болтлива!
Тише, тише; полно пѣть!
Ты съ зарею вновь щастлива —
Ахъ! а мнѣ пришло терпѣть.
О когда бъ и ты имѣла
Участь равную со мной!
Тыбъ молчала, а не пѣла,
И встрѣчала день съ тоской.

VII.

Бѣдно сердце! какъ рѣшиться:
Забывать, или любить?
Но любя ее крушиться,
Безъ отрады слезы лить,
Вѣчно мучиться, томиться!...
Даромъ, даромъ, говоришь,
И любить ее велишь.

Ахъ! люблю ее, пылаю!
Разумъ, душу, милый взглядъ,
Все въ ней, все я обожаю —
Но къ себѣ я вижу хладъ!...
Полно, полно... забываю!
Разумъ! ты меня крѣпишь,
И забыть ее велишь.

Позабуду! — Но доколѣ? —
Ахъ! пока не встрѣчусь съ ней:
Я опять тогда въ неволѣ
Милыхъ мнѣ ея цѣпей.
Грустно, грустно быть въ сей долѣ!
Грустно! сердце, ты твердишь,
А любить ее велишь.

VIII.

Ахъ! когда бъ я прежде знала,
Что любовь родитъ бѣды:
Веселясь бы не встрѣчала
Полунощныя звѣзды!
Не лила бъ отъ всѣхъ украдкой
Золотаго я кольца;
Не была бъ въ надеждѣ сладкой
Видѣть милаго льстеца!
Къ удаленію удара
Въ лютой, злой моей судьбѣ,
Я слила бъ изъ воска яра
Легки крылышки себѣ,
И на родину вспорхнула
Мила друга моего;
Нѣжно, нѣжно бы взглянула
Хоть однажды на него.
А потомъ бы улетѣла
Со слезами и тоской;
Подгорюнившись бы сѣла
На дорогѣ я большой;
Возрыдала бъ, возопила:
Добры люди! какъ мнѣ быть?
Я невѣрнаго любила...
Научите не любить.

IX.

Пой, скачи, кружись, Параша!
Руки въ боки подпирай!
Мчись въ веселіи, жизнь наша!
Ай, ай, ай, жги! (*) припѣвай.
Милъ, любезенъ василечикъ:
Рви, доколѣ онъ цвѣтетъ;
Солнце зайдетъ, и цвѣточикъ —
Ахъ! увянетъ, опадетъ!
Пой, скачи, кружись, Параша!
Руки въ боки подпирай!
Мчись въ веселіи, жизнь наша!
Ай, ай, ай, жги! припѣвай.
Соловей не умолкаетъ,
Свищетъ съ утра до утра:
Другу милому, онъ знаетъ,
Пѣть одна въ году пора.
Пой, скачи, кружись, Параша!
Руки въ боки подпирай!
Мчись въ веселіи, жизнь наша!
Ай, ай, ай! жги! припѣвай.
Кто, бывъ молодъ, не смѣялся,
Не плясалъ и не пѣвалъ,
Тотъ ничѣмъ не наслаждался;
Въ жизни не жилъ, а дышалъ.

(*) Извѣстный припѣвъ одной изъ Цыганскихъ пѣсенъ.

X.

Куда мнѣ, сердце страстно,
Куда съ тобой бѣжать?
Здѣсь долженъ я всечасно
Печаль мою скрывать.

Друзья мои пеняютъ,
Что я всегда унылъ:
Увы! они не знаютъ,
Таковъ ли прежде былъ.

Ахъ! нѣкогда на лирѣ
И я, рѣзвясь, игралъ;
И я путь скромный въ мірѣ
Цвѣтами устилалъ!

О грустно вспоминанье!
Не медлимъ ни часа,
Пойдемъ сокрыть стенанье
Въ дремучіе лѣса!

Тамъ горестью глубокой
Никто не укоритъ;
Ни имени жестокой
При мнѣ не повторитъ.

Пускай одинъ съ тобою
Я буду горевать;
И непрестанно Хлою
Винить и обожать.

XI.

Что съ тобою, ангелъ, стало?
Не слыхать твоихъ рѣчей;
Все вздыхаешь! а бывало
Ты поешь какъ соловей.

„Съ милымъ пѣла, говорила,
А безъ милаго грущу;
По неволѣ приуныла:
Гдѣ я милаго сыщу?“

Развѣ милаго другова
Не найдешь изъ пастушковъ?
Выбирай себѣ любова,
Всякъ тебя любить готовъ.

„Хоть царевичь мной прельстится
Все я буду горевать!
Сердце съ сердцемъ подружится:
Ужь не власшно выбирать.“

XII.

Всѣхъ цвѣточковъ болѣ
Розу я любилъ;
Ею только въ полѣ
Взоръ мой веселилъ.

Съ каждымъ днемъ милѣе
Мнѣ она была;
Съ каждымъ днемъ алѣе,
Все какъ вновь цвѣла.

Но на щастье прочно
Всякъ надежду кинь:
Къ розѣ, какъ нарочно,
Привилась полынь.

Роза не увяла —
Тотъ же самый цвѣтъ;
Но не та ужь стала:
Аромата нѣтъ!

Хлоя, какъ ужасенъ
Этотъ намъ урокъ!
Сколь, увы! опасенъ
Для красы порокъ!

XIII.

Все ли, милая пастушка,
Все ли бабочкой порхать?
Узы сердца не игрушка:
Тяжело ихъ разрывать!

Ахъ! по мнѣ и въ чужѣ больно
Видѣть горесть пастушка!
Любишь милое невольно;
Любишь прямо — не слегка!

Будь въ любовной ты наукѣ
Ученицею моей:
Я съ Филлидой и въ разлукѣ,
А она мнѣ всѣхъ милѣй.

XIV.

Стонетъ сизый голубочикъ.
Стонетъ онъ и день и ночь;
Миленькой его дружочикъ
Отлетѣлъ на долго прочь.

Онъ ужь болѣ не воркуетъ,
И пшенички не клюетъ;
Все тоскуетъ, все тоскуетъ,
И тихонько слезы льетъ.

Съ нѣжной вѣтки на другую
Перепорхиваетъ онъ,
И подружку дорогую
Ждетъ къ себѣ со всѣхъ сторонъ.

Ждетъ ее . . . увы! но тщетно
Знать судилъ ему такъ рокъ!
Сохнетъ, сохнетъ непримѣтно
Страстный, вѣрный голубокъ.

Онъ ко травкѣ прилегаетъ,
Носикъ въ перья завернулъ;
Ужь не стонетъ, не вздыхаетъ;
Голубокъ — навѣкъ уснулъ!

Вдругъ голубка прилетѣла,
Приунывъ, издалека,
Надъ своимъ любезнымъ сѣла,
Будитъ, будитъ голубка;

Плачетъ, стонетъ, сердцемъ ноя,
Ходитъ милаго вокругъ —
Но . . . увы! прелестна Хлоя! . . .
Не проснется милый другъ!

Къ Ѳ. М. Д * * *.

Сочинившему голосъ на пѣсню мою: Голубокъ.

Нѣжный ученикъ Орфея!
Сколь меня ты одолжилъ!
Ты, смычкомъ его владѣя,
Голубка мнѣ возвратилъ.
Бѣдный, сизый голубочикъ
Долго всѣми былъ забвенъ;
Лишь друзей моихъ вѣночикъ
Голубку былъ посвященъ.
Вдругъ навѣяли Зефиры,
Гдѣ лежалъ онъ, на лужокъ,
Звукъ твоей волшебной лиры —
И воскреснулъ голубокъ!
Онъ вспорхнулъ, и очутился
Милой Граціи въ рукахъ:
На клавиръ ея спустился
И запрыгалъ на струнахъ.
Я глядѣлъ и сомнѣвался,
Точноль онъ передо мной?
Мнѣ пригожѣй показался
И милѣй голубчикъ мой!

СТАНСЫ.

Къ Н. М. Карамзину.

„Прочь отъ насъ, Катонъ, Сенека,
Прочь, угрюмый Эпиктетъ!
Безъ утѣхъ для человѣка
Пустъ, несносенъ былъ бы свѣтъ.

Младость дважды не бываетъ.
Щастливъ тотъ, который въ ней
Путь цвѣтами устилаетъ,
Не предвидя грозныхъ дней!“

Такъ мою настроя лиру
И призвавъ одну изъ Музъ,
Дружбу, сердце и Темиру,
Съ ними пѣлъ я мой союзъ.

Пѣлъ, не думая о славѣ,
Не искавъ ни чьихъ похвалъ:
Лишь друзей моихъ къ забавѣ
Лиру я съ стѣны снималъ.

Все въ глазахъ моихъ играло,
Я въ волшебной былъ странѣ!
Солнце ярче лучь бросало
И казалось Фебомъ мнѣ.

Вижу ль розовый листочикъ:
Онъ меня остановилъ;
То Зефиръ, не вѣтерочикъ,
Крылышкомъ его сронилъ.

Въ рощѣ ль голосъ разольется
Сладкопѣвца соловья:
Сердце вмигъ во мнѣ забьется —
Филомелу вспомню я.

Съ нею вмѣстѣ уныва́ю,
И доволенъ, что грущу! —
Но почто я вспоминаю
То, чего ужь не сыщу?

Утро дней моихъ затмилось,
И опять не разцвѣтетъ;
Сердце съ щастіемъ простилось
И мечтой весеннихъ лѣтъ.

Рѣзвый нѣжныхъ Музъ питомецъ,
Другъ и смѣховъ и утѣхъ,
Нынѣ имъ какъ незнакомецъ,
И собой пугаетъ всѣхъ.

Чувства прежнія имѣю,
Прежній жаръ въ моей крови;
А ужь Граціямъ не смѣю
Воспѣвать я о любви.

Осужденъ, къ несносной скукѣ,
Грусть въ самомъ себѣ таить —
Ахъ! и съ другомъ быть въ разлукѣ,
И отъ дружбы слезы лить! . . .

О любимый сынъ Природы,
Нѣжный, милый нашъ Пѣвецъ!
Скоро ль отческія воды
Насъ увидятъ наконецъ?

Скоро ль мы на Волгу кинемъ
Радостный, сыновній взоръ,
Всѣхъ родныхъ своихъ обнимемъ
И составимъ братской хоръ?

Съ нами то же, что со цвѣтомъ:
Былъ — и нѣтъ его чрезъ день.
Ахъ! уклонимсяжь хоть лѣтомъ (*)
Древъ домашнихъ мы подъ тѣнь.

Скажемъ имъ: „Древа! примите
Вы усталыхъ пришлецовъ,
И съ пріязнью обнимите
Въ нихъ друзей и земляковъ!

„Было время, что играли
Здѣсь подъ тѣнью мы густой —
Вы цвѣтете . . . мы увяли!
Дайте старости покой.“

(*) т. е. въ лѣто жизни нашей.

НАСЛАЖДЕНІЕ.

Всякъ въ своихъ желаньяхъ воленъ —
Лавры! васъ я не ищу;
Я и мирточкой доволенъ,
Коль отъ милой получу.

Будь мудрецъ свѣтиломъ міра,
Будь Герой вселенной страхъ:
Раноль, поздно ли, Темира!
Всякъ истлѣетъ, будетъ прахъ.

Розыль дышутъ надъ могилой,
Иль полынь на ней растетъ:
Все равно, о другъ мой милой!
Въ прахѣ чувствія ужь нѣтъ.

Прочь же, скука! прочь, забота!
Вспламеняй, любовь, ты насъ!
Дни текутъ безъ поворота;
Дорогъ, дорогъ каждый часъ!

Можетъ быть, въ сію минуту,
Милый другъ, всесильный рокъ
Посылаетъ Парку люту
Дней моихъ прерваши токъ.

Ахъ! почто же медлить болѣ
И съ тоскою ждать конца?
Насладимся мы, доколѣ
Бьются въ насъ еще сердца.

СТАНСЫ.

Я щастливъ былъ во дни невинности безпечной,
Когда мнѣ богъ любви и въ мысль не приходилъ:
О возрастъ дѣтскихъ лѣтъ! почто ты былъ не вѣчной?
Я щастливъ былъ.

Я щастливъ былъ во дни волшебствъ, очарованій,
Когда любовью свѣтъ и красенъ лишь и милъ:
Дождуся ли опять толь сладостныхъ мечтаній?
Я щастливъ былъ.

Я щастливъ былъ во дни надежды, увѣренья,
Когда Кларисы взглядъ меня животворилъ:
Одни желанія ужь были наслажденья!
Я щастливъ былъ.

Я щастливъ былъ во дни восторговъ непрерывныхъ
И сердцу милыхъ бурь! Какъ я тогда любилъ!
Увы! тогда не пѣлъ я въ пѣсняхъ заунывныхъ:
Я щастливъ былъ.

БЫЛЬ.

Даруй мнѣ, Муза, тонъ, согласный
Съ уныніемъ души моей;
А ты, о добрый, иль нещастный!
Склони свой слухъ и пожалѣй.

Дамонъ недавно былъ душою,
Утѣхой въ дружескихъ пирахъ:
Рѣзовъ былъ, какъ Зефиръ весною,
Пригожъ, какъ роза на лугахъ.

Онъ взоромъ гналъ печаль и скуку,
Устами радость сообщалъ;
Друзьямъ своимъ давая руку,
Тогдажъ и сердце отдавалъ.

Вчера, при мѣсячномъ сіяньѣ,
Друзьямъ, прощаясь, говорилъ:
„Какъ грустно съ вами разставанье!"
И взоръ на нихъ остановилъ.

Бьетъ часъ, потомъ — и вѣсть несется,
Печальна вѣсть: *Дамона нѣтъ*!
Въ Дамонѣ сердце ужь не бьется,
Исчезнулъ въ мигъ весенній цвѣтъ.

Тутъ въ первый разъ еще познали
Дамона къ Лизѣ жарку страсть:
Онъ таялъ, но увы! къ печали!
Душъ прямо *нѣжныхъ* это часть!

Ихъ слезы падаютъ на камень.
Дамонъ, не могши потушить
Снѣдавшій сердце лютый пламень,
Рѣшился . . . самъ себя убить.

СТАРИННАЯ ЛЮБОВЬ.

Баллада.

Какъ мило жили въ старину!
Бывало, въ теремахъ высокихъ,
Въ кругу красавицъ черноокихъ,
Пѣвцы поютъ любовь, войну,
Любви и храбрости побѣды....
Но мы не такъ живемъ, какъ дѣды!
И пѣнье смолкло въ теремахъ.

Дай для красавицъ я спою,
Какъ въ старину пѣвцы любили.
Бывало и меня хвалили!
Напомнимъ молодость свою.
Жилъ былъ когда-то Вождь великой
Съ своею дочкой Милоликой
Во бѣлокаменной Москвѣ.

Бояра, Витязи, Князья
Вкругъ Милолики увивались;
Но тщетно щастіемъ ласкались:
Никто не могъ тронуть ея,

Никто, кромѣ пѣвца младова!
Она таилась — онъ ни слова;
Но у любви есть свой языкъ.

Пѣвецъ вседневно по утрамъ,
Подъ тѣнію густой березы,
Пѣлъ о любви своей сквозь слезы,
Бряцая лиры по струнамъ;
Душа изъ устъ его летѣла! —
Онъ пѣлъ, а Милолика млѣла
И воздыхала у окна.

Узналъ о страсти ихъ отецъ,
И гордость въ немъ вострепетала:
„Позоръ ты мой, не дочь мнѣ стала!
О стыдъ! кто милъ тебѣ? . . . пѣвецъ!“
Сказалъ, и въ теремъ запираетъ.
Дочь только въ мысляхъ отвѣчаетъ:
Что знатность! сердцу всѣ равны.

Она подъ стражей, а пѣвецъ
И день и ночь на томной лирѣ
Бряцаетъ: „Нѣтъ мнѣ щастья въ мірѣ!
Насталъ отрадамъ всѣмъ конецъ!
Увижусь ли еще я съ милой?
Внемли, о Небо! вопль унылой:
Отдай ее, иль смерть пошли!“

Поетъ онъ день, поетъ другой,
На третій — утренне свѣтило
Нещастну жертву озарило:
Отецъ низводитъ дочь съ собой;
Она — едва на трупъ взглянула,
Увы! . . . въ послѣдній разъ вздохнула.
Красавицы! пѣснь эта *быль*.

МЕЛАНХОЛИКЪ.

Романсъ, подражаніе Французскому.

Какъ сынъ проклятія скитаюсь
Издавна я по всѣмъ странамъ;
Уйти отъ горести стараюсь,
Но горесть всюду по слѣдамъ.
Увы! лишь вспомню страсть нещастну . . .
Прости мой умъ! прости покой!
Я вижу фурію ужасну!
Бѣгу ее — она за мной.

Всю молодость провелъ въ стенаньи;
Состарѣлся, а все влачу
Любови цѣпь въ тоскѣ, въ изгнаньи,
И тщетно смерти я хочу!
„Ступай далеко!“ мнѣ сказали:
„Тамъ знаютъ жалость.“ — Чтожъ? и тамъ
Безумца лишь во мнѣ искали,
Смѣялись бѣднаго слезамъ!

О дѣти щастья! грѣхъ смѣяться:
Я безъ ума, но я вашъ братъ;
Что мы предвидимъ? Можетъ статься,
Нещастнѣй будете стократъ.
Страшитеся любви опасной,
И пожалѣйте вы о томъ,
Кто, розою плѣнясь прекрасной,
Уколотъ былъ ея шипомъ.

ЛЮДЬМИЛА.

Идиллія.

Старикъ.

Кого мнѣ Богъ послалъ среди уединенья?

Пастушка.

Я, дѣдушка, со стороны;
Иду до ближняго селенья
На праздникъ красныя весны.

Старикъ.

Чего же ищешь ты подъ тѣнію кусточковъ?

Пастушка.

Богатой ленты нѣтъ, такъ я ищу цвѣточковъ,
Чтобъ свить себѣ вѣнокъ и скрасить мой нарядъ:
Тамъ есть красавица Людьмила, говорятъ.

Старикъ.

Но знаешь ли, гдѣ ты, соперница Людьмилы?

Пастушка.

Не вѣдаю. . . .

Старикъ.

Ты рвешь цвѣты — съ ея могилы.

МАДЕКАССКАЯ ПЛѢННИЦА.

АМПАНАНИ

Младая плѣнница! не проклинай войну;
Забудь отечество: не ты, но я въ плѣну;
Твой взоръ мнѣ столькожъ милъ, какъ первый лучь денницы.
Но что! ты слезы льешь сквозь длинныя ресницы?

ВАЙНА.

Жаль друга, Государь!

АМПАНАНИ.

А гдѣ же онъ?

ВАЙНА.

Убитъ,
Иль, можетъ быть, въ сію минуту онъ бѣжитъ.

АМПАНАНИ.

Я замѣню его.

ВАЙНА.

Ахъ! другу нѣтъ замѣны!
Зри слезы, Царь, мои.

АМПАНАНИ.

Онѣ мнѣ драгоцѣнны!
Что хочешь ты сказать, небесна красота?

Вайна.

Онъ цѣловалъ меня и въ очи и въ уста;
Спалъ на груди моей... онъ въ сердцѣ и понынѣ.

Ампанани.

Довольно: я хочу покорствовать судьбинѣ;
Но, Вайна! вотъ покровъ: сокрой имъ отъ меня
Ты прелести свои.

Вайна.

Пускай пойду, стеня,
Дражайшаго искать средь труповъ убіенныхъ,
Или скитаться съ нимъ въ пустыняхъ отдаленныхъ.

Ампанани.

Ступай, куда тебя звѣзда твоя ведетъ;
Да будетъ милая хранима Небесами!
Да проклятъ тотъ, кому желаніе придетъ
Похитить поцѣлуй, уступленный съ слезами!

ОТЪѢЗДЪ.

Простите, Лары и Пенаты!
Прости и ты, волшебный край,
Въ которомъ Геніи крылаты
Казали мнѣ и въ дебряхъ рай;
Гдѣ я мечтами забавлялся,
Гдѣ лютый всѣхъ знобилъ морозъ;
А я лежалъ средь нѣжныхъ розъ,
И ароматомъ ихъ питался;
И гдѣ въ замерзломъ ручейкѣ
Видался каждый день съ Наядой;
Гдѣ кустъ, береза вдалекѣ
Казались мнѣ Гамадріадой;
А дьякъ, или и самъ судья,
Какой нибудь Цирцеи жертвой.
Ахъ, какъ въ тебѣ былъ щастливъ я!
Бывало и живой и мертвой
Равно повиновались мнѣ,
И я, не выходя изъ дому,
Чудесилъ такъ, что врядъ другому
Увидѣть даже и во снѣ.

Лишь мѣсяцъ ликъ уставитъ въ воду
И свѣтлу твердь застелетъ мракъ —
То есть, какъ ночь на всю Природу
Накинетъ флеровый колпакъ —
Съ восторгомъ я въ тебя вступаю,
И какъ могучій чародѣй
Натурою повелѣваю:
Хочу, и зрю толпу людей,
За *тридевять* земель лежавшихъ
Два вѣка въ мать-сырой землѣ,
Въ ихъ прежнемъ образѣ представшихъ
Глазамъ моимъ въ прозрачной мглѣ.
Вздохну, и вижу я Темиру,
Въ ея объятія лечу,
И въ тотъ же мигъ, наладя лиру,
Что придетъ на сердце, брянчу.
Еще вздохну, и вмигъ предстанетъ
Покрытый муравою лугъ;
Съ улыбкой нѣжной солнце взглянетъ,
Вспорхнетъ Зефиръ, явится другъ
Съ своею арфой сладкогласной,
И Маю возгласитъ на ней:
„Спѣши, спѣши, о Май прекрасной,
Любезной вождь весеннихъ дней!
Дохни къ намъ нѣжными устами,
И ландышъ съ розой разцвѣтутъ;
Тебя съ простертыми руками
Прелестны Нимфы съ неба ждутъ.“

Но время, хоть никто не проситъ,
На быстрыхъ крыліяхъ своихъ
Мечты, утѣхи всѣ уноситъ,
И я почти лишенъ моихъ!
Необходимою судьбою —
Ахъ! скоро, скоро я съ тобою
Разстануся, волшебный міръ!
Пройдетъ недѣли двѣ, не болѣ;
И я уже на чистомъ полѣ
Лечу на тройкѣ, какъ Зефиръ.
Удалы мчатъ, закинувъ гривы,
Земля бѣжитъ, и пыль столбомъ!
Прощайте, дни мои щастливы!
Прощай, отеческой мой домъ!
Прощайте, Граціи и Музы!
Увы! невольно сладки узы
Я долженъ съ вами перервать . . .
Прощай, прощай и ты, о Волга! —
О Марсъ! о честь! о святость долга!
Скачу, скачу . . . *маршировать.*

КАРРИКАТУРА.

Сними съ себя завѣсу,
Сѣдая старина!
Да возвѣщу я внукамъ,
Что ты откроешь мнѣ.

Я вижу чисто поле;
Въ далижь передо мной
Чернѣетъ колокольня,
И вьется дымъ изъ трубъ.

Но кто вдоль по дорогѣ,
Подъ шляпой въ колпакѣ,
Тряхъ, тряхъ, а индѣ рысью,
На старомъ рыжакѣ,

Въ изодранномъ колетѣ,
Съ котомкой въ торокахъ?
Палашъ его тяжелый,
Тащась, чертитъ песокъ.

Кто это? — Бывшій вахмистръ
Шешминскаго полку,
Отставку получившій
Чрезъ двадцать службы лѣтъ.

Ужь онъ въ верстѣ, не болѣ,
Отъ родины своей;
Всѣ жилки въ немъ взыграли,
И сердце разцвѣло!

Какъ будто въ міръ волшебный
Онъ вѣдьмой занесенъ;
Все, все его прельщаетъ,
Въ восторгъ приводитъ духъ.

И воздухъ будто чище,
И травка зеленѣй,
И солнышко свѣтлѣе
На родинѣ его.

„Узнаетъ ли Груняша?“
Ворчалъ онъ про себя:
„Когда мы разставались,
Я былъ еще румянъ!“

„Ступай, рыжакъ, проворнѣй!“
И шпорою кольнулъ;
Резвый конь пустился,
Какъ изъ лука стрѣла.

Ужь витязь нашъ проѣхалъ
Околицу съ гумномъ —
И вотъ ужь онъ въѣзжаетъ
На свой господскій дворъ.

Но что онъ въ немъ находитъ?
Еголь жилище то?
Весь дворъ заглохъ въ крапивѣ!
Не видно никого!

Лубки прибиты къ окнамъ,
И на дверяхъ запоръ;
Все тихо! — лишь на кровлѣ
Мяучитъ тощій котъ.

Онъ съ лошади слѣзаетъ,
Идетъ, и въ дверь стучитъ —
Никто не отвѣчаетъ!
Лишь въ щелку вѣтръ свиститъ.

Заныло вѣще сердце,
И дрожь его взяла;
Побрелъ онъ, какъ сиротка,
Нахохлясь, назадъ.

Но робкими ногами
Спустился лишь съ крыльца,
Холопъ его усердный
Представился ему.

Другъ друга вмигъ узнали —
И тотъ, и тотъ завылъ —
„Терентьичь! гдѣ хозяйка?“
Помѣщикъ вопросилъ.

„Охти, охти, бояринъ!
Отвѣтствовалъ старикъ:
„Охти!“ — и скорчась слезы
Утеръ своей полой.

„Конечно въ домѣ худо!“
Мой витязь возопилъ;
„Скажи, не дай томиться:
Жива, иль нѣтъ жена?“

Терентьичь продолжаетъ:
„Хозяюшка твоя
Жива, иль нѣтъ, Богъ знаетъ!
Да здѣсь ее ужь нѣтъ.

„Пришло тебѣ, бояринъ,
Всю правду обьявить:
Попуталъ грѣхъ лукавый
Хозяюшку твою.

„Она держала пристань
Недобрымъ молодцамъ;
Одинъ изъ нихъ поманъ,
И на нее донесъ.

„Тотчасъ ее схватили
И въ городъ увезли;
Чтожь съ нею учинили,
Узнать мы не могли.

„Вотъ пятый годъ въ исходѣ —
Охти намъ! — какъ объ ней
Ни слуха нѣтъ, ни духа,
Какъ нанула на дно.“

Что дѣлать? какъ ни больно...
Но вѣчно ли тужить?
Нещастный мужъ поплакалъ,
Женился на другой.

Сей витязь и понынѣ,
Друзья, еще живетъ;
Три года, какъ въ округѣ
Онъ Земскимъ былъ Судьей.

НАДПИСИ къ ПОРТРЕТАМЪ.

I.

Глядите: вотъ Ефремъ, домовый нашъ маляръ!
Онъ въ списываньи лицъ имѣлъ чудесный даръ,
И кисть его всегда надъ смертными играла:
Архипа Сидоромъ, Кузьму Лукой писала.

II.

Какой ужасный, грозный видъ!
Мнѣ кажется, лишь скажетъ слово:
Законы, тронъ, все пасть готово. —
Не бойтесь! онъ на дождь сердитъ.

III.

Смѣйтесь, смѣйтесь, что я щурю
Маленьки мои глаза.
Я ужь видѣлъ, братцы, бурю,
И знакома мнѣ гроза;
Побывалъ и я средь боя!
Видѣлъ смерть не вдалекѣ:
Такъ не стыдно для покоя
Погулять и въ колпакѣ.

IV.

И это человѣкъ?
О времена! о вѣкъ!

ЭПИТАФІИ.

I.

Здѣсь Бригадиръ лежитъ, умершій въ поздныхъ
лѣтахъ.
Вотъ жребій нашъ каковъ!
Живи, живи, умри, — и только что въ газетахъ
Осталось: *выѣхалъ въ Ростовъ.*

II.

Въ надеждѣ будущихъ талантовъ
И вѣчныхъ за стихи наградъ,
Родитель спитъ здѣсь Фоліантовъ,
Умершій . . . послѣ чадъ.

III.

Увы! здѣсь погребенъ мой милый попугай.
Гдѣ красота, и гдѣ даръ слова?
Прохожій-говорунъ! вздохни объ немъ, и знай:
Онъ слишкомъ говорилъ, но не во вредъ другова.

IV.

Подъ хладной кочкой сей Вралева хладный прахъ.
Богъ съ нимъ! онъ былъ и самъ такъ холоденъ
въ стихахъ.

V.

Полвѣка станъ его возили въ сей юдолѣ!
„И только?“ — А чегожь вамъ болѣ?

VI.

Прохожій, стой! во фрунтъ! скинь шляпу и
читай:
Я воинъ, грамматы не зналъ за недосугомъ.
На право кругомъ!
Ступай!

ЭПИТАФІЯ ЭПИТАФІЯМЪ.

Прохожій! пусть тебѣ напомнитъ этотъ стихъ,
Что все *на часъ* подъ небесами :
По утру плакали о смерти мы другихъ,
А къ вечеру скончались сами.

КЕНОТАФІЯ.

Покорствуя судебъ уставу,
Здѣсь нѣкто положилъ отцовской шлемъ съ пе-
ромъ,
Мечь предковъ, ихъ любовь къ отечеству и славу;
А самъ — на козлы сѣлъ и хлопаетъ бичомъ.

ЭКСПРОМТЪ

НА ИГРУ Г-НА ДИЦА.

Что слышу, Дицъ! смычокъ, тобой одушевленный,
Поетъ и говоритъ и движетъ всѣхъ сердца!
О сынъ Гармоніи! достоинъ ты вѣнца,
И можешь презирать языкъ обыкновенный (*).

(*) Это сказано было въ то время, когда г. Дицъ пересталъ говорить, но не переставалъ восхищать своею скрыпкою.

МАДРИГАЛЫ.

I.

Нѣтъ, Хлоя! не могу я страсти побѣдить!
Но можно ли тебя узнать и не любить?
Ахъ! ты даешь мнѣ умъ, воспламеняешь къ
славѣ,
Разсѣеваешь грусть и исправляешь въ нравѣ;
Годъ жизни я отдамъ за этотъ райской часъ,
Чтобъ видѣть мнѣ тебя, чтобъ слышать мнѣ
твой гласъ,
И часто мысль одна: *увижу завтра Хлою* —
Уже на цѣлый день веселья мнѣ виною.

II.

По чести, отъ тебя не можно глазъ отвесть;
Но что къ тебѣ влечетъ? . . . Загадка непонятна!
Ты не красавица, я вижу . . . а пріятна!
Тыбъ лучше быть могла; но лучше такъ, какъ
есть.

III.

Задумчива ли ты, смѣешься, иль поешь,
О Хлоя милая! ты всѣмъ меня прельщаешь:
Часамъ ты крылья придаешь,
А у любви ихъ похищаешь.

НАДПИСИ къ ПОРТРЕТАМЪ.

I.

Что мнѣ объ ней сказать?
Къ другимъ и я бывало
Легко могъ надписи писать;
Но милую хвалить, какъ ни хвали, все мало!

II.

Лишь взглянешь на нее, захочешь ты узнать;
Узнавши — будешь обожать.

III.

Вотъ мой тебѣ портретъ; сколь щастливъ бы я
былъ,
Когдабъ ты иногда сказала:
„Любезнѣй и умнѣй его я многихъ знала;
Но кто меня какъ онъ любилъ?“

IV.

Я лучшей не могу хвалы ему сказать:
„Мать дочери велитъ труды его читать.“

V.

Вотъ милый всѣмъ творецъ! иль сердцемъ, иль умомъ
Грозитъ тебѣ онъ плѣномъ.
Въ Аркадіи бъ онъ былъ щастливымъ пастушкомъ,
Въ Аѳинахъ Демосѳеномъ.

VI.

Янтарная заря, румяный неба цвѣтъ;
Тѣнь рощи; въ ночь потокъ, сверкающій въ долинѣ;
Надъ печкой соловей; три Граціи въ картинѣ —
Вотъ все его добро .... и щастливъ! онъ поэтъ.

КЪ ВЕНЕРИНОИ СТАТУѢ.

Изъ Антологіи.

Парисъ и Марсъ — о томъ ни слова —
И Адонисъ, когда хотѣлъ,
Меня видали безъ покрова;
Но какъ увидѣлъ Пракситель?

ЭПИГРАММА.

Оттудажъ.

Леандръ, въ послѣдній разъ возникнувъ изъ валовъ,
Молилъ взирающихъ сквозь зарево боговъ:
„О боги! боги! допустите
Взглянуть мнѣ на нее, и послѣ потопите!“

НАДПИСИ къ АМУРУ.

I.

Открытъ, какъ истина; безъ крылъ, какъ постоянство;
Оружіе его въ невинности одной;
Дитя, но всѣхъ сердца онъ бралъ въ свое подданство —
Таковъ былъ, говорятъ, сынъ Лады въ вѣкъ златой!
Гдѣжь нынѣ онъ? Увы! намъ это неизвѣстно;
Мы только чтимъ его, и ищемъ повсемѣстно.

II.

Ктобъ ни былъ ты, пади предъ нимъ!
Былъ, есть, иль долженъ быть владыкой онъ твоимъ.

III.

Стрѣляй, о милый врагъ! въ два сердца, не въ одно;
А иначе навѣкъ нещастливо оно.

КЪ АЛЬБОМУ Е*С*О....й.

Поэту ль своего таланта не любить?
Какъ смертный осужденъ къ премѣнѣ повсечасной,
Онъ старится, но все принадлежитъ Прекрасной:
Не въ сердцѣ, такъ въ ея альбомѣ будетъ жить!

КЪ АЛЬБОМУ К* Н* И* К.... й.

Что предъ соперницей Эраты наше пѣнье!
Она лишь голосомъ находитъ путь къ сердцамъ!
Я лиру положу К.... й къ ногамъ,
И буду самъ внимать въ безмолвномъ восхищеньѣ.

КЪ * * *,

КОТОРАЯ ХОТѢЛА ИСПОРТИТЬ ЧАСЫ.

Ахъ, Лиза! мнѣ ль за то сердиться,
Что хочешь ты часы испортить, изломать?
Тѣмъ лучше: я не буду знать,
Когда съ тобою разлучиться.

СЛАБОСТЬ.

Мнѣ Хлоя сдѣлала рѣшительный отказъ;
Въ досадѣ на нее и горести безмѣрной,
Вчера я говорилъ: уже въ послѣдній разъ
Былъ въ домѣ легковѣрной!
А нынѣ по утру, не знаю какъ и самъ,
Опять я тамъ!

НА СЛУЧАЙ

ПОЛУЧЕНІЯ ОТЪ НЕИЗВѢСТНОЙ ОСОБЫ ВЫШИТАГО НА КАНВѢ ГЕНІЯ.

Нечаянный мнѣ даръ цѣлую съ нѣжнымъ чувствомъ!
Лестнѣе сердцу онъ лавроваго вѣнца.
Ктожь та, которая руки своей искусствомъ
Почтила . . . въ старости щастливаго пѣвца?
Не знаю, остаюсь среди недоумѣній!
Такъ будь же отъ меня ей имя: *добрый Геній.*

ЗАГАДКА.

Нѣтъ голоса во мнѣ, а все я говорю,
И худо и добро; сержусь, благодарю,
Хвалю, браню, и ложь и правду разглашаю,
И въ тысячи мѣстахъ вдругъ слышенъ я бываю;
Всегда и важенъ и шутливъ,
Уменъ и глуповатъ, и дуренъ и красивъ.
Еженедѣльно я, иль въ мѣсяцъ возрождаюсь,
И только лишь рожусь, въ продажу отпускаюсь.
Я братьями богатъ, названье намъ одно;
Однако въ свѣтѣ мы зовемся не равно.
Узнали? Нѣтъ? Еще прибавимъ:
У насъ нѣтъ матери, за то
Мы сотни двѣ отцовъ представимъ,
И это не причтетъ въ обиду намъ никто.
Я бѣлъ и сѣръ, легокъ, бездушенъ, и собою
Во многомъ сходствую съ молвою.

ПУТЕШЕСТВІЕ.

Начать до свѣта путь и ощупью идти,
На каждомъ шагѣ спотыкаться;
Къ полднямъ уже за треть дороги перебраться;
Тутъ съ бурей и грозой бороться на пути,
Но льстить себя вдали кокою-то мечтою;
Опомнясь, подъ вечеръ вздохнуть,
Искать престанища къ покою,
Найти его, прилечь, и наконецъ уснуть . . . .
Читатели! загадки въ модѣ;
Хотите ль ключь къ моей имѣть?
Все это значитъ въ переводѣ:
Родиться, жить и умереть.

КЪ ПРІЯТЕЛЮ,

который, по сходству двухъ различныхъ фамилій, часто принималъ одну вмѣсто другой.

Два разныя, мой другъ, прозванья ты мѣшаешь
Людей, которые не сходствуютъ ни въ чёмъ;
И такъ, когда ты ихъ не знаешь,
То я тебѣ скажу о томъ и о другомъ:
Одинъ пріятный былъ писатель,
Другой — едва ли и читатель,
Одинъ стихи, другой лишь вексели писалъ;
Тотъ въ Панову свирѣль, а этотъ въ банкъ
игралъ.

БЛИЗНЕЦЫ.

Кого вамъ надобно? — „Я домъ ищу *разврата.*“ —
Котораго, сударь? Ихъ въ городѣ два брата. —
„Богатаго.“ — Какъ тотъ, такъ и другой богатъ. —
„Не очень складнаго.“ — Не молодецъ и братъ. —
„Онъ крутъ обычаемъ.“ — И тотъ . . . . избави
Боже! —
„Жена красавица.“ — И у другаго тоже. —
„Короче: тотъ рогатъ, котораго ищу.“ —
Какой же случай! . . . я молчу.

АМУРЪ и ДРУЖБА.

Сестрица душенька! — „Здорово, братецъ мой!“ —
Леталъ, леталъ! — “А я шаталась, ужь шаталась!“ —
Гдѣжь взять любовниковъ? всѣ сгибли какъ чумой! —
„Гдѣ други? ни съ однимъ еще не повстрѣчалась!“ —
Какой сталъ свѣтъ! — „Давно ужь это говорятъ.“ —
Всѣ клятвы на пескѣ! — “Услуги въ обѣщаньѣ!
Подъ именемъ моимъ *Корысть* боготворятъ.“ —
А подъ моимъ: *Желанье.*

ИСТОРІЯ ЛЮБВИ.

Любовникъ въ первый день признаньемъ забавляетъ;
На завтра, говоритъ: несносно докучаетъ!
На третій, слушаютъ, не поднимая глазъ;
Въ четвертый, съ робостью, отказъ;
На пятый, слабое упорство и смятенье;
Въ шестой, ни да, ни нѣтъ, и страхъ и сожалѣнье;
Въ седьмой, безъ головы;
Въ осьмой — увы!

ЛЮБЛЮ и ЛЮБИЛЪ.

Люблю — есть жизнью наслаждаться,
Возможнымъ щастьемъ упиваться,
Всѣхъ чувствъ въ обвороженьи быть.
Любилъ же значитъ: *полно жить*!
Яснѣе: испытать собою,
Что клятвы — словъ какихъ-то звонъ;
Что нѣжность — хитрости игрою;
Невинность — маска; щастье — сонъ!

СУПРУЖНЯЯ МОЛИТВА.

Одинъ предобрый мужъ имѣлъ обыкновенье,
Вставая ото сна и отходя ко сну,
Такое приноситъ моленье:
„Хранитель-Ангелъ мой! спаси мою жену!
Не дай упасть ей въ искушенье!
А ежели ужь я . . . не дай про то мнѣ знать!
А если знаю я, то дай мнѣ не видать!
А если вижу я, даруй ты мнѣ терпѣнье!“

Къ **

О выгодахъ быть любовницею Стихотворца.

Прелеста, веселись! мой рокъ уже рѣшился.
Внимай и торжествуй: я съ вольностью простился!
Стыжуся слабости, но признаюся въ томъ,
Что стала ты моимъ отнынѣ божествомъ:
Тебѣ и лиру я и сердце посвящаю.
Но что я о твоей побѣдѣ возвѣщаю!
Я падаю къ твоимъ съ признаніемъ ногамъ,
А ты моимъ словамъ
Съ холодностью внимаешь!
Уже ли ты не постигаешь,
Какое щастіе, какая слава той,
Которая прельститъ своею красотой
Питомца Музъ и Аполлона?
Или не знаешь ты, что властенъ дать онъ то,
Предъ чѣмъ богатство, власть, корона,
Всѣ благи міра — вздоръ, ничто?
Поэтъ — примѣромъ я — едва воспламенится,
И вмигъ въ умѣ его тьма, тьма чудесъ родится:

Въ минуту онъ тебя въ богиню претворитъ,
И всѣхъ тебѣ сердца навѣки покоритъ;
Онъ тотчасъ дастъ тебѣ усмѣшку, взглядъ
Авроры,
Гебеи молодость, прекрасную тѣнь Флоры,
И всѣхъ умильностей и прелестей соборъ,
Какими Граціи блистаютъ и Венера.
На что ни взглянешь ты, все твой украситъ
взоръ;
Вездѣ представится иль Гнидъ, или Цитера.
Куда ты ни пойдешь, повсюду за тобой
Различныя утѣхи,
Забавы, игры, смѣхи
Погонятся толпой.
О красотѣ твоей узнаютъ всѣ предѣлы;
Изъ глазъ твоихъ посыплютъ стрѣлы,
Которыя пронзятъ и у Факира грудь!
Лишь взглянешь: плѣнникъ кто-нибудь!
Распустишь волосы свои предъ туалетомъ,
Когда бы ни было, зимой ли то, иль лѣтомъ:
Тотчасъ Зефиръ готовъ ихъ кудри развивать
И, прохлаждая, цѣловать.
Къ источнику ль свой путь направишь:
Онъ тише потечетъ; ты и его заставишь
Удерживать свои блестящія струи,
Чтобъ долѣе глядѣть на прелести твои.
На лугъ ли ступишь ты: цвѣты на немъ родятся;
Лилеи нѣжныя и розы возгордятся,

Надѣяся, что ты, Прелеста, ихъ сорвешь,
И милому дружку вѣнокъ изъ нихъ сплетешь;
Но вѣрно, на тебя они лишь только взглянутъ,
Съ досады и стыда увянутъ.
Ты всѣхъ, Прелеста, ихъ затмишь!
Подъ липою ль сидишь,
Гдѣ тѣнь тебѣ готова:
Въ минуту птички всѣ, не говоря ни слова,
Слетятся, запоютъ, чтобъ слухъ твой утѣшать;
Но вздумай только ты къ ихъ пѣнію пристать,
Онѣ умолкнутъ вдругъ. Да кто и въ самомъ дѣлѣ
Столь будетъ дерзновенъ, чтобъ пѣть при Филомелѣ?
А что до разума — о! въ томъ повѣрь, мой свѣтъ,
Что я, который самъ изрядный умъ имѣю,
Легко найду и въ той, къ которой въ страсти тлѣю.
Мнѣ стоитъ захотѣть, и вмигъ создашь сонетъ,
Иль пѣсню . . . что тебѣ угодно;
Все напишу, хотя поэту и несродно
Ссужать добромъ своимъ другихъ:
Чего не сдѣлаешь для прелестей твоихъ?
Когда же, наконецъ, Киприда раздраженна,
За то, что для тебя краса ея забвенна,
Упроситъ Паркъ пресѣчь нить жизни твоея —
Прелеста! не страшись ни мало, будь спокойна;
Не плача смерть твоя, но зависти достойна.

Прелеста! ты умрешь . . . но живъ останусь я.
Любовникъ страстный твой въ Элегіи возстонетъ,
Разтреплетъ волосы и въ *морѣ слезъ* потонетъ,
Все скажетъ, что сказать Овидіи могли,
И ты безсмертною пребудешь на земли.
Любовникъ твой тебя во храмѣ Мнемозины
Между *Глицеріи* посадитъ и *Коринны*.
Не лестная ль тебя, Прелеста, ждетъ судьба?
Ахъ! ощастливь же ты любовника, раба,
Который предъ тобой клянется Аполлономъ,
Что онъ малѣйшее желаніе твое
Священнымъ будетъ чтить закономъ!
Возьми, возьми навѣкъ ты сердце въ даръ мое;
Люби меня . . . . хотя для собственныя славы!
Или — страшись! и жди, что, пересиля страсть,
Забывши вѣрности уставы,
И скучась наконецъ сносить сурову часть,
Со равнодушіемъ навѣкъ тебя оставлю,
Другую полюблю, другую и прославлю.

КЪ * * *,

при сообщеніи ей другихъ стиховъ.

Дельфира! вотъ стихи, которыхъ ты желала!
Но болѣ отъ меня впередъ не ожидай.
Ты знаешь, я попалъ въ поэты не взначай —
Съ тѣхъ поръ, какъ ты меня узнала.
Тогда я молодъ былъ, притворствовать не зналъ;
Ты показалась мнѣ мила и добродушна:
Такою я тебя въ стихахъ и называлъ,
И лира завсегда была тебѣ послушна.
Увы! какъ худо зналъ тогда я нравы, свѣтъ!
Я думалъ, что вездѣ — въ Аркадіи поэтъ;
Я думалъ, какъ пчела, сбирать въ собраньяхъ соты,
Учиться ловкости, свой разумъ украшать,
Давать красивые языку обороты,
Чтобъ болѣе потомъ въ стихахъ моихъ блистать;
Но что же я нашелъ?.. Прощайте, лестны виды!
Всѣ стихотворчески мечты!
Прощайте, Граціи, и Сильфы, и Сильфиды!
Что вмѣсто ихъ, поэтъ, увидѣлъ въ свѣтѣ ты?
Тамъ къ дарованіямъ холодность иль прозрѣнье;
Тутъ осторожность, подозрѣнье.

Къ кому пристать и чѣмъ начать свой разговоръ?
Тамъ цѣлый день молчатъ, потупя въ карты
взоръ;
Здѣсь заняло умы вчерашне производство;
Тамъ хвалятъ бархатовъ Московскихъ превосходство,
Иль мысль свою кладутъ на имянинный пиръ;
А тамъ одинъ съ другимъ въ пресильномъ жарконъ споръ,
Что новый старараго красивѣе мундиръ!
Пѣвецъ, отъ скуки, въ горѣ,
Перемѣняетъ кругъ, имѣя только даръ
Живѣе чувствовать прекраснѣйшаго цѣну;
Поетъ онъ Делію, иль Дафну, иль Климену;
Поетъ ихъ острый умъ, любезность, милый нравъ,
Ни мало не искавъ
Другаго награжденья,
Какъ только съ ними обхожденья,
Пріятныхъ для него въ ихъ обществѣ минутъ:
Но чтожъ его хвалы и здѣсь произведутъ?
Мужъ, видя мадригалъ супругѣ, ужаснется,
И всѣмъ разсказывать знакомымъ понесется,
Что нашъ питомецъ Музъ плѣненъ его женой,
Которая его играетъ простотой;
Безъ памяти отъ ней! — Жена, изъ потаканья,
А болѣе боясь отъ мужа увѣщанья,
Усмѣшкой иногда, иль взглядомъ подтвердитъ —
И вдругъ нашъ бѣдненькой піитъ

Пойдетъ у всѣхъ за Селадона.
Вотъ жребій здѣсь пѣвцовъ и дѣтокъ Аполлона
Въ награду за хорошій стихъ!
Онъ въ лѣтахъ молодыхъ не слишкомъ намъ ужасенъ;
Но въ зрѣлость дней своихъ
Виною городскихъ быть басенъ,
Признаться — тяжело, и легче во сто разъ
Быть въ обществѣ нѣмымъ и позабыть Парнассъ.

КЪ МЛАДЕНЦУ.

Дай собой налюбоваться,
Мила крошечка моя!
Съ завистью, могу признаться,
На тебя взираю я.

Ты спокойно почиваешь,
И ниже во краткомъ снѣ
Грусти, горести не знаешь,
День и ночь знакомыхъ мнѣ.

Лишь проснешься, прибѣгаютъ,
Съ нѣжной радостью въ глазахъ,
Мать, отецъ — тебя лобзаютъ,
И качаютъ на рукахъ.

Всѣ въ восторгѣ предъ тобою,
Всѣхъ ты взоры веселишь,
Коль улыбкой ихъ одною,
Или взглядомъ подаришь.

Чувство горести безсильно
Долго духъ твой возмущать;
Приголубь тебя умильно —
И опять начнешь играть.

Часто слезы теплы льются
И сердечушко дрожитъ;
А уста уже смѣются —
О незлобный, милый видъ!

Но, увы! дни быстро мчатся;
Вступишь въ возрастъ ты другой:
Рокъ и страсти ополчатся,
И прости твой вѣкъ златой!

Ахъ! я опытомъ то знаю,
Сколько я сердечныхъ слезъ
Проливалъ, и проливаю,
Сколько муки перенесъ!

Смерть родныхъ, и сердцу милыхъ,
Страсти, немощь, хладъ друзей . . .
Часто въ мысляхъ я унылыхъ
Жизни былъ не радъ моей.

Но скрѣплюся, и отселѣ
Если снова загрущу,
При твоей я колыбелѣ
Томно сердце облегчу.

Такъ! твои веселы взгляды,
Твой спокойный, милый зракъ,
Пролютъ мнѣ въ грудь отрады,
И души разсѣютъ мракъ.

О невинность! ты какъ Геній
Шлешь цѣленіе сердцамъ!
Я хоть нѣсколько мгновеній
Былъ теперь невиненъ самъ.

И давно погибшу радость
Въ бѣдномъ сердцѣ ощутилъ.
Милый ангелъ мой! ты младость
Хоть на часъ мнѣ возвратилъ.

Къ А — Г — С.....й

НА ВЫЗОВЪ ЕЯ НАПИСАТЬ СТИХИ.

Ахъ, когда бы въ древни вѣки
Я съ тобой, Климена, жилъ!
На примѣръ: мы былибъ Греки;
Какъ бы я тебя хвалилъ!

Подъ румянымъ, яснымъ небомъ,
Въ благовоніи цвѣтовъ,
Оживленныхъ кроткимъ Фебомъ,
Между миртовыхъ кустовъ —

Посреди тебя съ супругомъ
Сѣлъ бы твой Анакреонъ,
И своимъ упрошенъ другомъ,
Сталъ бы лиру строить онъ.

Выбъ и гости замолчали,
Чтобъ идеи мнѣ скопить,
И малютки бъ перестали
Песпру бабочку ловить.

Какъ въ саду твоемъ порхала
Въ Маѣ пчелка по цвѣтамъ,
Такъ рука бъ моя летала
Рѣзвой лиры по струнамъ.

Тамъ бы каждый мнѣ цвѣточикъ
Къ пѣнью мысли подавалъ:
Милый, скромный василечикъ
Твой бы нравъ изображалъ;

Я твою бы миловидность
И стыдливость примѣнилъ
Къ нѣжной розѣ; а невинность
Съ бѣлой лиліей сравнилъ.

Ты бъ растрогалась, вскочила —
Я увѣренъ точно въ томъ —
И пѣвца бы наградила
Поцѣлуемъ и вѣнкомъ.

Но, увы! мой умъ мечтаетъ;
Сколь далекъ я отъ Аѳинъ!
Здѣсь не Флора обитаетъ,
А морозъ, Бореевъ сынъ!

Здѣсь и самымъ Аполлономъ
Не согрѣлся бы иной;
Гости заняты *бостономъ*,
Иль Нѣмецкою войной.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Какое зрѣлище для нѣжныя души!
О Грёзъ! дай кисть овою, иль самъ ты напиши:
Въ румяный, Майской день, при солнечномъ восходѣ,
Тогда какъ все цвѣтетъ и нѣжится въ природѣ,
Все нектаръ пьетъ любви, весной своей гордясь:
Климена скромная, на люльку опустясь,
Ни молвить, ни дышать не смѣя,
Любуется плодомъ безцѣннымъ Гименея,
Любуется его улыбкою сквозь сонъ,
И чуть не говоритъ: „какъ милъ... и точно онъ!“ —
И такъ, Климена, ты теперь уже спокойна:
Ты щастлива, ты мать, и ею быть достойна!
Уже любимыхъ ты пѣвцовъ,
Делиля, Колардо съ Торквашомъ забываешь,
И въ скромную свою диванну мудрецовъ,
Бюффона и Руссо и Локка призываешь;
И даже въ этотъ часъ, какъ Терпсихора всѣхъ
Зоветъ чрезъ *Фауля* (*) въ свой храмъ забавъ, утѣхъ,
Какъ пудры облака покрыли туалеты,
Какъ всё въ движеніи: флеръ, шляпки и корсеты,

(*) Бывшій содержатель въ Пб. Англійскихъ баловъ.

Картоны, ящики, мужья и сундуки —
Сколь мысли у тебя отъ шума далеки!
Сидишь, облокотясь, надъ книжкою смиренно,
Сидишь, и все твое понятіе вперенно
Въ систему, правила Британскаго творца,
Который только сухъ для одного глупца.
Вся мысль и все твое желаніе, чтобъ сына
Содѣлать званія достойнымъ гражданина.
О подвигъ сладостный, священный искони!
Климена! увѣнчай ты имъ прекрасны дни.
Кто болѣе тебя во способахъ обиленъ?
Но матери ль одной достоинъ сей предметъ?
Гласъ матери всегда краснорѣчивъ и силенъ.
Такъ, умница! храни, лелѣй ты нѣжный цвѣтъ
Подъ собственной рукою,
И удобряй его ученія росою.
Пекись, чтобъ изліялъ онъ райской ароматъ,
Когда желанный день созрѣнія настанетъ;
Да усладитъ твое и сердце онъ и взглядъ,
И въ осень дней твоихъ весну твою вспомянетъ!
А ты, дитя, залогъ дражайшій двухъ сердецъ,
Живи, и усугубь ихъ щастье наконецъ!
Будь честенъ, будь уменъ, чувствителенъ, незлобенъ,
Пріятенъ, милъ — во всемъ будь маминькѣ подобенъ!

КЪ НЕЙ ЖЕ,

ВЪ ДЕНЬ ЕЯ РОЖДЕНІЯ.

Вступая въ новый годъ, любезная Климена!
Не бойся, чтобъ въ судьбѣ твоей произошла
Какая перемѣна;
Ты будешь завсегда пріятна и мила,
И лѣтъ твоихъ считать друзья твои не станутъ:
Душей прекрасныя — не вянутъ.

КЪ МАШѢ.

Я не АрхангелЪ ГавріилЪ,
Но воспоенЪ ПермесскимЪ токомЪ,
ОтЪ Аполлона быть пророкомЪ
СЪ издѣтства право получилЪ.
И такЪ внимай , новорожденна,
КЪ чему ты здѣсь опредѣленна:
Ты будешь маминькѣ сЪ отцомЪ
Отрадой, щастьемЪ, утѣшеньемЪ,
Любезна пола украшеньемЪ,
И вЪ добронравьи образцомЪ;
Ты будешь безЪ красы пріятна,
БезЪ блеска острыхЪ словЪ умна,
БезЪ педантизма учена,
Почтенна и безЪ рода знатна,
И безЪ кокетства всѣмЪ мила,
Какою маминька была —
ВотЪ мой урокЪ и похвала,
Едва ли не вЪ послѣдни пѣта! . . . .

Когда ты, Маша, разцвѣтешь,
Вступая вЪ юношески лѣта,
Быть можетЪ, что стихи найдешь —

Конечно спрятанны ошибкой —
Прочтешь ихъ съ милою улыбкой,
И спросишь: „гдѣ же мой поэтъ?
Въ немъ дарованія примѣтны.“
Услышишь, милая, въ отвѣтъ:
„Нещастные не долголѣтны;
Его ужь нѣтъ!“

ГРУСТЬ.

Влекомъ уныніемъ сердечнымъ,
Пойду я съ лирой въ тѣ мѣста,
Гдѣ сномъ даритъ Природа вѣчнымъ,
Гдѣ спитъ и скорбь и суета.

Тамъ добродѣтельной Эльвиры
Надъ прахомъ слезы я пролью,
И съ тихимъ звукомъ томной лиры
Къ безмолвнымъ тѣнямъ воспою:

Миръ вѣчный вамъ! вкушайте сладость
Спокойства въ пристани отъ бѣдъ!
Теперь для васъ печаль и радость
Уже ничто; для васъ ихъ нѣтъ.

Уже вамъ болѣ не ужасны
Удары, пораженья злыхъ;
Ни тайны ковы не опасны,
Ни явное гоненье ихъ.

Уже никто судомъ безчиннымъ
Не можетъ духъ вашъ отравить:
Изъ чистыхъ, правыхъ сдѣлать виннымъ,
И въ сердце острый мечь вонзить.

Bayerische Staatsbibliothek München

Нѣтъ! сердце въ васъ уже не бьется,
Оно спокойно всякой часъ;
Уже оно не отзовется
Ниже любезнѣйшей на гласъ.

Чувствительный! вкушай отраду,
Сверша теченье бурныхъ дней:
Не бойся сладкаго ты яду
Обворожающихъ очей;

Не бойся болѣе презрѣнья
И колкихъ порицаній ты,
Въ награду твоего смиренья,
Незлобна сердца простоты.

Ахъ! долго ли и мнѣ, нещастну
Здѣсь страннику, влачить мой путь?
Когда пройду я степь ужасну?
Пора, пора ужь отдохнуть!

СКАЗКИ.

СКАЗКИ.

I.

ФИЛЕМОНЪ и БАВКИДА.

Съ Лафонтенова подражанія Овидію.

Ни злато, ни чины ко щастью не ведутъ:
Что въ нихъ, когда со мной заботы вѣкъ живутъ?
Когда духъ зависти, нещастнымъ овладѣя,
Терзаетъ грудь его, какъ вранъ у Промиѳея?
Ахъ, это сущій адъ! Гдѣжь щастье наконецъ?
Въ укромной хижинѣ: живущій въ ней мудрецъ
Укрытъ отъ грозъ и бурь, спокоенъ духомъ,
воленъ,
Не алча лишняго, и тѣмъ, что есть, доволенъ;
Захочетъ ли за лугъ, за тѣнь своихъ лѣсовъ
Тѣнь только щастія купить временщиковъ?
Нѣтъ! суетный ихъ блескъ его не обольщаетъ:
Онъ ясно на челѣ страдальцевъ сихъ читаетъ,
Что даромъ не даетъ Фортуна ничего.
Придетъ ли къ цѣли онъ теченья своего:
Смерть въ ужасъ и тоску души его не вводитъ;
То солнце послѣ дня прекраснаго заходитъ.

Примѣромъ въ этомъ намъ послужитъ Филе-
монъ.
Съ Бавкидой съ юныхъ лѣтъ соединился онъ;
Ни время, ни Гименъ любви ихъ не гасили:
Четыредесять жатвъ они вдвоемъ ходили
За всѣмъ въ своемъ быту, безъ помощи другихъ.
Все старится; остылъ любовный жаръ и въ
нихъ —
Однако въ нѣжности любовь не ослабѣла,
И въ чувствахъ дружества продлить себя умѣла.
Но добрыхъ много ли? Развратъ ихъ земляковъ
Подвигнулъ наконецъ на гнѣвъ Царя боговъ:
Юпитеръ сходитъ къ нимъ съ своимъ крылатымъ
сыномъ —
Не съ громомъ, не въ лучахъ, а такъ, простолю-
димомъ,
Подъ видомъ странника — и чтожъ? вездѣ отказъ,
Вездѣ имъ говорятъ: „намъ тѣсно и безъ васъ,
Ступайте далѣе!“ — Отринутые боги
Пошли уже назадъ, какъ въ лѣвѣ отъ дороги,
Надъ свѣтлымъ ручейкомъ, орѣшника въ тѣни,
Узрѣли хижину смиренную они,
И повернули къ ней. Меркурій постучался:
Въ минуту на крыльцѣ хозяинъ показался.
„Добро пожаловать!“ сказалъ имъ Филемонъ:
„Вы утрудилися, дорожнымъ нуженъ сонъ —
Ночуйте у меня, повечеряя съ нами;
Спознайтесь съ нашими домашними богами:

Они скудельные, но къ смертному добры.
У предковъ былъ и самъ Юпитеръ изъ коры,
Но менѣель тогда они въ привольѣ жили?
Увы! теперь его изъ золота мы слили,
А онъ уже не такъ доступенъ сталъ для насъ!
Бавкида! тамъ вода, согрѣй ее тотчасъ;
Поставимъ хлѣбъ и соль; мы скудны, но усер-
дны;
Дай все, что боги намъ послали милосердны!"
Бавкида хворосту сухаго набрала,
Потомъ погасшій огнь въ горнушкѣ разгребла,
И силится раздуть. Вода уже вскипаетъ;
Хозяинъ путниковъ усталыхъ омываетъ,
Прося за медленность его не осудить;
А чтобъ до ужина имъ время сократить,
Заводитъ съ ними рѣчь не о любимцахъ щастья,
Не о вліяніи и блескѣ самовластья,
Но лишь о томъ, что есть невиннаго въ по-
ляхъ,
Что есть полезнаго и лучшаго въ садахъ.
Бавкида между тѣмъ трапезой поспѣшаетъ,
Столъ ветхій черепкомъ сосуда подпираетъ,
Разкидываетъ платъ, кидаетъ горсть цвѣтовъ,
И ставитъ хлѣбъ, млеко и нѣсколько плодовъ,
Потомъ худой коверъ, который сберегала
На случай праздниковъ, по ложу разостлала
И проситъ на него возлечь своихъ гостей.
Уже они, среди привѣтливыхъ рѣчей,

За вечерей виномъ усталость подкрѣпляютъ;
Но сколько ни піютъ, вина не убавляютъ!
Бавкида, Филемонъ недвижимы стоятъ,
Со изумленьемъ другъ на друга мещутъ взглядъ,
И оба съ трепетомъ предъ путниками пали —
По чудодѣйствію легко они познали
Того, кто вздыметъ бровь, и зыблетъ сводъ небесъ! —
О Боже! Филемонъ дрожащій гласъ вознесъ:
Прости невольнаго минуту заблужденья!
И могъ ли смертный ждать такого посѣщенья?
О гость божественный! гдѣ взять намъ ѳиміамъ?
Приличналь наша снѣдь, толь скудная, богамъ?
Но чѣмъ и самый Царь ихъ угоститъ достойно?
Простымъ усердіемъ: вотъ все, что намъ пристойно!
Пусть море и земля имъ пиршество дадутъ;
Всесильные ему даръ сердца предпочтутъ.
Бавкида съ рѣчью сей бесѣду оставляетъ,
И въ огородъ идетъ: тамъ перепелъ гуляетъ,
Котораго сама взлелѣяла она;
Признаніемъ къ богамъ и вѣрою полна,
Уже она его во снѣдь для нихъ готовитъ;
Уже дрожащими руками птичку ловитъ:
Но птичка отъ нее ущла къ стопамъ боговъ,
И милосердый Дій невинной далъ покровъ.

Межь тѣмъ вечерня тѣнь съ горъ пала на
долины.
„Чета! иди за мной,“ сказалъ отецъ судьбины;
„Сей часъ свершится судъ: на родину твою
Весь гнѣва моего фіалъ я пролію,
И смерти все предамъ! пусть злые погибаютъ;
Ни хижинъ, ни сердецъ они не отверзаютъ.“
Безсмертный рекъ, и горъ къ хребту направилъ
путь;
И вѣтръ, предвѣстникъ бурь, ужасно началъ дуть.
Бавкида, Филемонъ, на посохъ опираясь,
Подъ тяжкой древностью трясясь и задыхаясь,
Едва, едва идутъ, но съ помощью боговъ
И страха, взобрались на ближній изъ хребтовъ:
Вдругъ сонмы грозныхъ тучь подъ ними разра-
зились,
И съ шумомъ рѣки водъ губительныхъ пустились;
Валъ гонитъ валъ, и мчитъ все, что ни попадетъ:
Скотъ, кущи и людей . . . исчезли, слѣда нѣтъ.
Бавкида родинѣ вздохъ сердца посвящаетъ,
И взоромъ, полнымъ слезъ, у бога вопрошаетъ:
„Пусть люди . . . . но почто животныхъ онъ
казнитъ?“
Но чудо новое внезапу ихъ разитъ:
Явился пышный храмъ, гдѣ куща ихъ стояла;
Обмазка мраморомъ, солома златомъ стала,
И тяжкіе столпы по всѣмъ ея бокамъ
Въ минуту вознесли главы ко облакамъ!

Внутрь храма былъ вездѣ представленъ на порфирѣ,
Въ страхъ будущимъ вѣкамъ, сей дивный случай въ мірѣ —
Невидимо ваялъ все это Божій перстъ.
Супруги мнятъ, что имъ Олимпъ уже отверстъ;
Въ смятеньи, внѣ себя, на все кругомъ взираютъ.
„Богъ, велій въ благости! потомъ они вѣщаютъ:
Мы видимъ храмъ; но кто служители ему?
Кто будетъ возносить къ престолу твоему
Молитвы путниковъ? О если бы мы оба
Могли сподобиться въ семъ званьи быть до гроба!
Ахъ! если бы притомъ и Геній смерти насъ
Коснулся обоихъ въ одинъ и тотъ же часъ,
Чтобъ мы другъ по другѣ тоски не испытали!“
Да будетъ такъ, сказалъ имъ богъ, какъ вы желали! —
И было такъ. Теперь дерзнуль повѣдать вамъ
О томъ, чему едва могу повѣрить самъ?
Въ день нѣкій путники въ оградѣ сей божницы
Съ благоговѣніемъ стояли вкругъ двоицы,
И слушали ее о бывшихъ чудесахъ.
„Издревле, Филемонъ вѣщалъ имъ, въ сихъ мѣстахъ
Была вѣсь грѣшниковъ, жилище нечестивыхъ;
Но Дій не потерпѣлъ сихъ изверговъ кичливыхъ:
Онъ рекъ, насталъ потопъ, и всѣхъ ихъ потребилъ,
Остались только мы — такъ Богъ благоволилъ!“

Тутъ Филемонъ взглянулъ на кроткую супругу,
И что? уже она, простерши руки къ другу,
Вся измѣняется, пріемлетъ древа видъ!
Онъ хочетъ ей сказать, обнять ее спѣшитъ;
Нѣтъ силъ поднять руки, уста его нѣмѣютъ;
Супруга и супругъ равно деревенѣютъ;
Пускаютъ отрасли, готовятся цвѣсти;
Другъ другу говорятъ лишь мыслію: прости!
Одинъ предѣлъ и срокъ власть божья имъ послала:
Мужъ праведный сталъ дубъ, Бавкида липой стала,
И зрители, всѣ въ разъ воскликнувъ: чудеса!
Въ молчаньи набожномъ глядятъ на небеса.

Преданіе гласитъ, что къ симъ древамъ священнымъ,
Подъ тяжестью даровъ безчисленныхъ согбеннымъ,
Супруги на поклонъ текли изъ дальныхъ странъ,
По слуху, что имъ даръ чудотворенья данъ;
И тѣ, которые къ нимъ съ вѣрой приходили,
Въ цвѣту и въ зиму дней другъ друга вѣкъ любили.

II.

МОДНАЯ ЖЕНА.

Ахъ, сколько я въ мой вѣкъ бумаги изписалъ!
Той пѣсню, той сонетъ, той лестный мадригалъ!
А вы, о нѣжные мужья подъ сѣдиною!
Ни строчкой не были порадованы мною:
Простите въ томъ меня; я молодъ, вѣтренъ
былъ,
Такъ диво ли, что васъ забылъ?
А нынѣ вяну самъ; на лбу моемъ морщины
Велятъ уже и мнѣ
Подобной вашей ждать судьбины,
И о Цитерской сторонѣ
Лишь въ сказкахъ вспоминать; а были, небылицы,
Я знаю, старикамъ разглаживаютъ лицы:
Такъ слушайте меня, я сказку вамъ начну
Про модную жену.
Пролазъ въ теченіи полвѣка
Все ползъ, да ползъ, да билъ челомъ,
И наконецъ, такимъ невиннымъ ремесломъ
Доползъ до степени извѣстна человѣка,
То есть, сталъ съ именемъ — я говорю вѣдь такъ,

Какъ говорится въ свѣтѣ:
То есть, сталъ ѣздить онъ шестеркою въ ка-
ретѣ;
Потомъ вступилъ онъ въ бракъ
Съ пригожей дѣвушкой, котора жить умѣла,
Была умна, ловка,
И старика
Вертѣла, какъ хотѣла;
А старикамъ такой законъ:
Что если кто изъ нихъ вскружитъ себя вер-
тушкой,
То не она уже, а онъ
Быть долженъ наконецъ игрушкой;
Хоть радъ, хотя не радъ,
Но поступать съ женою въ ладъ
И рубль подчасъ считать полушкой.
Пролазъ, хоть и Пролазъ, но мужъ какъ и дру-
гой,
И также, какъ и всѣ, цѣною дорогой
Платилъ женѣ за нѣжны ласки;
Узналъ и онъ, что блонды, каски,
Что крепъ, линобатистъ, тамбурна кисея.
Однажды бывъ жена — вотъ тутъ бѣда моя!
Какъ лучше изъяснить, не приберу я слова —
Не такъ чтобы больна, не такъ чтобы здорова,
А такъ . . . ни то, ни се . . . какъ будто не
своя,
Супругу говоритъ: „послушай, жизнь моя!

Мнѣ къ празнику нужна обнова:
Пожалуй у мадамъ *Бобри* купи тюрбанъ;
Да слушай, душенька: мнѣ хочется экранъ
Для моего камина;
А отъ нее вѣдь три шага
До Англійскаго магазина;
Да еслибъ тамъ еще... нѣтъ, слишкомъ дорога!
А *ужасть* какъ мила!"—Да что, мой свѣтъ, такое?
„Нѣтъ, папинька, такъ, такъ, пустое...
По чести, мнѣ самой твоихъ расходовъ жаль."—
Да что, скажи, откройся смѣло;
Расходы знать мое, а не твое ужь дѣло.
„Меня . . . стыжусь . . . плѣнила *шаль*;
Послушай, ангелъ мой! она такая точно,
Какую, помнишь ты, выписывалъ нарочно
Князь для Княгини, какъ у Князя праздникъ былъ."
Съ послѣднимъ словомъ прыгъ на шею,
И чокъ два раза въ лобъ, примолвя: какъ ты милъ! —
Изволь, изволь, я радъ со всей моей душею
Услуживать тебѣ, мой свѣтъ!
Былъ мужнинъ ей отвѣтъ;
Карету!... только врядъ поспѣть ужь мнѣ къ обѣду!
Да я . . . въ Дворянской клубъ оттолѣ заверну.
„Ахъ, мой жизненочикъ! какъ тѣшишь ты жену!
Ступай же, *Ваничка*, скорѣе." — Ѣду, Ѣду! —

И Ваничка сѣдой,
Простясь съ женою молодой,
Въ карету съ помощью двухъ долгихъ слугъ вта-
щился,
Сѣлъ, крякнулъ, покатился.
Но онъ лишь со двора, а гость къ нему на
дворъ —
Угодникъ дамской, *Миловзоръ*,
Взлетѣлъ на лѣстницу и прямо порхъ къ убор-
ной.
„Ахъ! я лишь думала! какъ милъ!“ — Слуга по-
корной.
„А я одна.“ — Однѣ? тѣмъ лучше! гдѣ же онъ?
„Кто? мужъ?„ — Вашъ нѣжный Купидонъ.
„Какой, по чести, ты ругатель!“ —
По крайней мѣрѣ я всѣхъ *милыхъ* обожатель. —
„Однакожь это вѣдь не ложь,
Что другъ мой на него хоть нѣсколько похожъ.
То есть, онъ также старъ, хотя не такъ пре-
красенъ.“ —
Нѣтъ! я вамъ докажу. „О! этотъ трудъ на-
прасенъ.“ —
Безъ шутокъ, слушайте: тотъ слѣпъ, а этотъ
кривъ;
Не сходны ли жь они? — „Ахъ, какъ ты злорѣ-
чивъ!“ —
Простите, перестану. . . .
Да! покажите мнѣ диванну:

Вѣдь я еще ее въ отдѣлкѣ не видалъ;
Ужь вѣрно это храмъ! храмъ вкуса. „Отгадалъ.“ —
Конечно и. . . . любви? . . . „Увы! еще не знаю.
Угодно поглядѣть?“ — Отъ всей души желаю. —
О бѣдный мужъ! спѣши, иль послѣ не тужи
И отъ дивана ключь въ карманѣ ты держи:
Диванъ для городской вострушки,
Когда на немъ она самъ-другъ,
Опаснѣе, чѣмъ для пастушки
Средь рощицы зеленый лугъ.
И эта выдумка дивановъ,
По чести, месть намъ отъ Султановъ!
Но какъ ни разсуждай, а Миловзоръ ужь тамъ,
Разсматриваетъ все, любуется, дивится;
Амуръ же, прикорнувъ на столикѣ къ часамъ,
Приставилъ къ стрѣлкѣ перстъ, и стрѣлка не вертится,
Чтобъ двумъ любовникамъ часовъ досадной бой
Не вспоминалъ того, что скоро возвратится
Вулканъ домой.
А онъ, какъ *въ руку сонъ!* . . . судьбы того хотѣли!
На тяжкихъ вереяхъ ворота заскрыпѣли,
Бичь хлопнулъ, и супругъ съ торжественнымъ лицомъ
Явился на коняхъ усталыхъ предъ крыльцомъ.
Ужь онъ на лѣстницѣ, таща въ рукахъ покупку,
Торопится свою обрадовать голубку;

Ужь онъ и въ комнатѣ, а вѣрная жена
Сидитъ, не думая объ немъ, и не одна.
Но вы, красавицы, одной съ *Премилой* масти,
Не ахайте объ ней и успокойте духъ!
Ея Пенаты съ ней, такъ ей ли ждать напасти?
Фиделька рѣзвая, ея надежный другъ,
Которая лежала,
Свернувшися клубкомъ,
На солнышкѣ передъ окномъ,
Вдругъ встрепенулася, вскочила, побѣжала
Къ дверямъ, и, какъ разумный звѣрь,
Приставила ушко, потомъ толкъ лапой въ дверь,
Ушла, и возвратилась съ лаемъ.
Тогдажь другой Пенатъ, зовомый попугаемъ,
Три раза вѣстовой изъ клѣтки подалъ знакъ,
Вскричавши: *кто пришелъ?... дуракъ!* —
Премила вздрогнула, и *Миловзоръ* подобно;
И тотъ, и та — о время злобно!
О непредвидѣнна бѣда! —
Бросаяся туда, сюда,
Рѣшились такъ, чтобъ ей остаться,
А гостю спрятаться хотя позадь дверей. —
О женщины! могу признаться,
Что вы гораздо насъ хитрѣй!
Кто могъ бы отгадать, чѣмъ кончилась тревога?
Мужъ, въ двери выставя разцвѣтшіе два рога,

Вошелъ въ диванную, и видитъ, что жена
Въ полглаза на него глядитъ сквозь тонка
сна;
Снъ ближе къ ней — она проснулась,
Зѣвнула, потянулась;
Потомъ,
Простерши къ мужу руки:
„Какимъ же, говоритъ ему, я крѣпкимъ сномъ
Заснула безъ тебя отъ скуки!
И знаешь ли, что мнѣ
Привидѣлось во снѣ?
Ахъ, и теперь еще въ восторгѣ утопаю!
Послушай, миленькой! лишь только засыпаю,
Вдругъ вижу, будто ты ужь болѣе не кривъ;
Ну если этотъ сонъ не лживъ?
Позволь мнѣ испытать“ ... И въ мигъ, не давъ
супругу
Придти въ себя, одной рукой
Закрыла глазъ ему — здоровый, не кривой —
Другою же на дверь указывая другу,
Пролазу говоритъ: „что видишь ли, мой
свѣтъ?“
Мужъ отвѣчаетъ; нѣтъ!
„Ни крошечки?“ — Ни мало;
Такъ темно, какъ теперь, еще и не бывало.
„Ты шутишь?“ — Право нѣтъ; да дай ты мнѣ
взглянуть.
„Прелестная мечта! Лукреція вскричала:

За чѣмъ польстила мнѣ, чтобъ послѣ обмануть!
Ахъ, другъ мой! какъ бы я желала,
Чтобы одинъ твой глазъ
Похожъ былъ на другой!" — *Пролазъ*,
При нѣжности такой, не могъ стоять болваномъ;
Онъ самъ разнѣжился, и въ радости души
Супругу наградилъ и шалью и тюрбаномъ. —
Пролазъ! ты этотъ день во святцахъ запиши.
Примѣръ согласія! жена и мужъ съ обновой!
Но что записывать? Примѣръ такой не новой.

III.

ВОЗДУШНЫЯ БАШНИ.

Утѣшно вспоминать подъ старость дѣтски лѣты,
Забавы, рѣзвости, различные предметы,
Которые тогда увеселяли насъ!
Я часто и въ гостяхъ хозяевъ забываю;
Сижу, повѣся носъ; нѣтъ ни ушей, ни глазъ;
Всѣ думаютъ, что я взмостился на Парнассъ;—
А я... признаться вамъ, игрушкою играю,
Которая была
Мнѣ въ дѣтствѣ такъ мила;
Иль въ память привожу, какою мнѣ отрадой
Бывалъ тотъ день, когда, урокъ мой окончавъ,
Набѣгаясь въ саду, уставши отъ забавъ,
И бросясь на постель, займусь *Шехеразадой!*
Какъ сказки я ея любилъ!
Читая ихъ.... прощай учитель,
Симбирскъ и Волга!... все забылъ!
Уже я всей вселенны зритель,
И вижу тамъ и сямъ и карловъ и духовъ,
И Визирей рогатыхъ,
И рыбокъ золотыхъ, и лошадей крылатыхъ,

И въ видѣ Кадіевъ волковъ.
Но сколько нужно словъ,
Чтобъ все пересчитать, друзья мои любезны!
Не лучшель вамъ я угожу,
Когда теперь одну изъ сказочекъ скажу?
Я знаю, что онѣ не важны, безполезны;
Но все ли одного полезнаго искать?
Для сказки и того довольно,
Что слушаютъ ее безъ скуки, добровольно,
И можетъ иногда улыбку съ насъ сорвать.
Послушайтежъ. Во дни иль самого Могола,
Или наслѣдника его престола,
Не знаю, города какого мѣщанинъ,
У коего дѣтей — одинъ былъ только сынъ,
Жилъ, жилъ, и наконецъ, по постоянной модѣ,
Послѣдній долгъ отдалъ, какъ говорятъ, Природѣ,
Оставя сыну домъ,
Да денегъ съ сотню драхмъ не болѣ.
Сынъ, проводя отца на общее все поле,
Поплакалъ, погрустилъ, потомъ
Сталъ думать и о томъ,
Какъ жить своимъ умомъ.
„Дай, говоритъ, куплю посуды я хрустальной
На всю мою казну,
И ею торговать начну:
Сначала въ малый торгъ, а тамъ — авось и въ дальной!“

Сказалъ, и сдѣлалъ такъ; купилъ себѣ лубковъ,
Построилъ лавочку; потомъ купилъ тарелокъ,
Чашъ, чашекъ, чашечекъ, кувшиновъ, пу-
зырьковъ,
Бутылей — мало ли какихъ еще бездѣлокъ! —
Все, все изъ хрусталя! — Склалъ въ коробъ
весь товаръ,
И въ лавкѣ на полу поставилъ;
А самъ хозяинъ, Альнаскаръ,
Ко стѣнкѣ прислонясь, глаза свои уставилъ
На коробъ, и съ собой въ слухъ началъ разсуждать:
„Теперь, онъ говоритъ, и Альнаскаръ купчина!
И Альнаскаръ пошелъ на стать!
Надежда, щастіе и будуща судьбина,
Иль лучше, вся моя казна
Здѣсь въ коробѣ погребена. —
Вотъ вздоръ какой мелю! — погребена? — пустое!
Она плодится въ немъ, и вѣрно черезъ годъ
Прибудетъ съ барышомъ по крайней мѣрѣ вдвое.
Двѣ сотни — хоть куда изрядненькой доходъ!
На нихъ... еще куплю посуды; лучше тише —
И черезъ годъ еще двѣ сотни зашибу,
И также въ коробъ погребу.
И такъ годъ отъ году все выше, выше, выше,
Могу я, наконецъ, ужь быть и въ десяти,
И болѣе — тогда скажу моимъ товарамъ
Съ признательною къ нимъ улыбкою: прости!
И буду... ювелиръ! боярынямъ, боярамъ

Начну я продавать алмазы, изумрудъ,
Лазурь и яхонты, и...и — всего не вспомню!
Короче: золотомъ наполню
Не только лавку, цѣлый прудъ.
Тогда-то Альнаскаръ весь разумъ свой покажетъ!
Накупитъ лошадей, невольницъ, дачь, садовъ,
Евнуховъ и домовъ,
И дружбу свяжетъ
Съ знатнѣйшими людьми:
Ихъ дружба лишь на взглядъ спесива;
Нѣтъ! только кланяйся, да хорошо корми,
Такъ и полюбишься — она не прихотлива;
А у меня тогда
Всѣ тропки поростутъ Персидскимъ виноградомъ;
Шербетъ польется какъ вода;
Фонтаны брызнутъ лимонадомъ,
И масло розово къ услугамъ всѣхъ гостей.
А о столѣ уже ни слова:
Я только то скажу, что нѣтъ такихъ затѣй,
Нѣтъ въ свѣтѣ кушанья такова,
Какого у меня не будетъ за столомъ;
И мой великолѣпный домъ
Храмъ будетъ роскоши для всѣхъ, кто мнѣ любезенъ,
Иль властію своей полезенъ;
Всѣхъ буду угощать: Пашей, наложницъ ихъ,
Плясавицъ, плясуновъ и Кадіевъ лихихъ —

Визирскихъ подлипалъ — и такъ умомъ, трудами,
А болѣ съ знатными водяся господами,
Легко могу войти въ чины, и въ знатный бракъ...
Прекрасно! точно такъ!
Вдругъ гряну къ Визирю, который красотою
Земиры дочери по Азіи гремитъ;
Скажу ему: „вступи въ родство со мною;
Будь тесть мой!“ Если онъ хоть чуть зашевелитъ
Противное губами,
Я вспыхну, и тогда прощайся онъ съ усами!
Но, нѣтъ! Визирска дочь такъ вѣрно мнѣ жена,
Какъ на небѣ луна;
И я, по свадебномъ обрядѣ,
На утро, въ праздничномъ нарядѣ,
Весь въ камняхъ, въ жемчугѣ и въ златѣ, какъ въ огнѣ,
Поѣду избочась и гордо на конѣ,
Котораго чепракъ съ жемчужной бахрамою
Унизанъ бирюзою,
Въ домъ къ тестю Визирю. За мной и предо мною
Потянутся мои евнухи по два въ рядъ.
Визирь, еще вдали завидя мой парадъ,
Ужь на крыльцѣ меня встрѣчаетъ,
И, въ комнаты введя, сажаетъ
По праву руку на диванъ
Среди куреній благовонныхъ.
Я сѣвши, важно, какъ Султанъ,
Скажу ему: „Визирь! вотъ тысяча червонныхъ,

Обѣщанные мной тебѣ за перву ночь!
И сверхъ того еще вотъ пять во увѣренье,
Сколь мнѣ мила твоя прекраснѣйшая дочь,
А съ ними и мое прими благодаренье." —
Потомъ три кошелька большихъ ему вручу,
И на конѣ стрѣлой къ Земирѣ полечу.
День этотъ будетъ днемъ любви и ликованій,
А завтра . . . . о восторгъ! о верхъ моихъ желаній!

Лишь солнце выпрыгнетъ изъ водъ,
Вдругъ пробуждаюсь я отъ радостнаго клика,
И слышу: весь народъ,
Отъ мала до велика,
Толпами приваля на дворъ,
Кричитъ, составя хоръ:
„Да здравствуетъ супругъ Земиры!"
А въ залѣ знатность: Сераскиры,
Паши и прочіе стоятъ,
И ждутъ, когда войти съ поклономъ имъ велятъ.
Я всѣхъ ихъ допустить къ себѣ повелѣваю,
И тутъ-то важну роль Вельможи начинаю:
У одного я руку жму,
Съ другимъ вступаю въ разговоры;
На третьяго взгляну, да и спиной къ нему.
А на тебя, Абдулъ, бросаю звѣрски взоры!
Раскаешься тогда, сѣдой прелюбодѣй,
Что разлучилъ меня съ Фатимою моей,

Съ которой около трехъ дней
Я жилъ душею въ душу!
О! я уже тебя не трушу;
А ты передо мной дрожишь,
Блѣднѣешь, падаешь, прахъ ногъ моихъ цѣлу-
ешь —
Помилуй, позабудь прошедшее! жужжишь . . .
Но нѣтъ прощенія! лишь пуще кровь взволнуешь;
И я, уже владѣть не въ силахъ ставъ собой,
Ну по щекамъ тебя! по правой, по другой!
Пинками!" . . . И въ жару восторга нашъ ме-
чтатель,
Визирской гордый зять, Земиры обладатель,
Ногою въ коробъ толкъ: тотъ на бокъ; а хру-
сталь
Запрыгалъ, зазвенѣлъ и—въ дребезги разбился! —
И такъ, мои друзья, хоть жаль, хотя не жаль,
Но бѣдный Альнаскаръ — что дѣлать! — раз-
женился.

IV.

КАРТИНА.

Ужь ночь на Петербургѣ спустила свой покровъ;
Уже на чердакахъ у многихъ изъ творцовъ
Погасла свѣчка и курилась,
И ихъ обьятая восторгомъ голова
На риѳмы и слова
Сама собой скатилась:
Козлова ученикъ
Въ своемъ уединеньи,
Сидѣвшій съ Геніемъ въ глубокомъ размышленьи,
Вдругъ слышитъ шумъ и крикъ:
Гдѣ, гдѣ онъ? Тамъ? А! здѣсь? — И видитъ предъ собою,
Когожь? — Князь *Вѣтровъ* шаркъ ногою! —
„Слуга покорнѣйшій! а я, оставя балъ,
Заѣхалъ на часокъ за собственнымъ къ вамъ дѣломъ.
Я слышалъ, въ городѣ васъ всѣ зовутъ Апелломъ:
Не можете ли вы мнѣ кистію своей
Картину написать? да только поскорѣй!
Вотъ содержаніе: Гименъ, то есть богъ брака,
Не тотъ, что пишется у насъ сапунъ, звѣзда,

Иль плакса, иль брюзга; но легкой, милый богъ,
Который бы привлечь и труженика могъ —
Гименъ, и съ нимъ Амуръ, всегда въ восторгѣ новомъ,
Веселый, миленькой, и — живчикъ, однимъ словомъ,
Взявъ за руки меня, подводятъ по цвѣтамъ,
Разбросаннымъ по всѣмъ мѣстамъ,
Къ прекрасной дѣвушкѣ, боготворимой мною —
Я завтра привезу портретъ ея съ собою.
Владычица моя, въ пятнадцатой веснѣ,
Вручаетъ розу мнѣ;
Вокругъ нее толпой забавы, игры, смѣхи;
Вдалижь, подъ миртами, престолъ любви, утѣхи,
Усыпанъ розами и весь почти въ тѣни
Деревъ, гдѣ вѣтерокъ заснулъ среди листочковъ . - .
Да! не забыть притомъ и страстныхъ голубочковъ —
Вотъ слабый вамъ эскизъ! Чрезъ три, четыре дни
Картина, думаю, ужь можетъ быть готова;
О благодарностижь моей теперь ни слова:
Докажетъ опытъ вамъ — прощайте!" И — исчезъ.
Проходитъ ночь; съ зарей, разлившей свѣтъ съ небесъ,
Художникъ нашъ за кисть — старается, трудится:
Что ко лбу перстъ, то мысль родится,

И что черта,
То нова красота.
Уже творецъ картины
Свершилъ свой трудъ до половины,
Какъ вдругъ
Почувствовалъ недугъ,
И животворна кисть изъ слабыхъ рукъ упала;
Минута между тѣмъ желанная настала:
Князь Вѣтровъ женится, хотя картины нѣтъ.
Уже онъ райскіе плоды во бракѣ жнетъ;
Что день, то новый даръ въ возлюбленной Княгинѣ;
Мила, божественна, при всѣхъ и наединѣ.
Ужь мѣсяцъ брака ихъ протекъ,
И Апеллесову болѣзнь съ собой увлекъ.
Благодаря судьбину,
Искусникъ нашъ съ постели всталъ.
Съ усердьемъ принялся дописывать картину,
И въ три дни дописалъ.
Божественный талантъ! изящное искусство!
Какой огонь! какое чувство! . . .
Но полно, поспѣшимъ мы съ нею къ Князю въ домъ.
Князь вышелъ въ шлафрокѣ, нахлученъ колпакомъ,
И сонными взглянувъ на живопись глазами:
„Я болѣе, сказалъ, доволенъ былъ бы вами,
Когда бы живопись была
Не столь игрива, весела.

Я чувствую, она нѣжна, остра, прекрасна;
Но для женатаго . . . ужь слишкомъ любострастна!
Не можно ли ее поправить какъ-нибудь? . . .
Какой морозъ! моя ужасно зябнетъ грудь:
Прощайте!" — Апеллесъ, разставшись съ сумасброднымъ,
Засѣлъ картину поправлять
Съ терпѣніемъ, артисту сроднымъ,
Иное въ ней стирать, иное убавлять,
Соображаяся съ послѣднимъ Князя вкусомъ.
Шесть ровно дней пробывъ картина подъ искусомъ,
Представилась опять сіятельнымъ глазамъ.
Но, ахъ! знать было такъ угодно небесамъ:
Сіянье ихъ совсѣмъ затмилось,
И ужь почти ничто въ картинѣ не годилось. —
„Возможноль! . . . Это я?"
Вскричалъ супругъ почти со гнѣвомъ:
„Вы сдѣлали меня совсѣмъ уже Хоревомъ (*),
Ужь слишкомъ пламеннымъ . . . да и жена моя
Здѣсь самая Венера!
Нѣтъ, не прогнѣвайтесь, во всемъ должна быть мѣра!"
Такъ о картинѣ Князь судилъ,
И каждый день онъ въ ней пороки находилъ.

(*) Дѣйствующее лице въ Трагедіи Г. Сумарокова.

Чѣмъ болѣе она висѣла,
Тѣмъ болѣе предъ нимъ погрѣшностей имѣла;
Тѣмъ строже переборъ отъ Князя былъ всему:
Уже не взмилились и Граціи ему,
Потомъ и одръ любви и миртовы кусточки;
Потомъ и нѣжные слетѣли голубочки;
Потомъ и смѣхи всѣ велѣлъ закрасить онъ,
А наконецъ, увы! вспорхнулъ и Купидонъ.

V.

ПРИЧУДНИЦА.

Въ Москвѣ, которая и въ древни времена
Прелестными была обильна и славна —
Не знаю подлинно, при коемъ Государѣ,
А только слышалъ я, что Рускіе бояре
Тогда ужь бросили запоры и замки,
Не запирали женъ въ высоки чердаки,
Но слѣдуя Нѣмецкой модѣ,
Ужь позволяли имъ въ пріятной жить свободѣ;
И свѣтская тогда жена
Могла безъ опасенья
Со другомъ дома, иль одна
И на качеляхъ быть въ день Свѣтла Воскресенья,
И въ кукольной театръ отъ скуки завернуть,
И въ рощѣ *Марьиной* подъ тѣнью отдохнуть —
Въ Москвѣ, я говорю, *Вѣтрана* процвѣтала;
Она пригожествомъ лица,
Здоровьемъ и умомъ блистала;
Имѣла мать, отца;

Имѣла лестну власть щелчки давать супругу;
Имѣла, словомъ, все: большой, тесовый домъ,
Съ берлинами сарай, изрядную услугу,
Гуслиста, карлицу, шутовъ и дуръ содомъ,
И даже двухъ сорокъ, которыя болтали
Такъ точно, какъ она — однакожъ меньше знали.

Вѣтрана куколкой всегда разряжена,
И каждый день окружена
Знакомыми, родней и нѣжными сердцами;
Но всѣ они при ней казались быть льстецами,
За тѣмъ, что всякъ изъ нихъ завидовалъ то ей,
То цугу вороныхъ коней,
То парчевому ея платью,
И всякъ хотѣлъ бы жить съ такою благодатью.
Одна *Вѣтрана* лишь не вѣдала цѣны
Всѣхъ благъ, какія ей Фортуною даны;
Ни блескъ, ни дружество, ни пляски, ни забавы,
Ни самая любовь — вѣдь есть же на свѣту
Такіе чудны нравы! —
Не трогали мою надменну красоту.
Ей царствующій градъ казался пустъ и скученъ,
И всякъ, кто ни былъ ей знакомъ,
Съ какимъ-нибудь да былъ пятномъ:
„Тотъ глупъ, другой уродъ; тотъ *ужасть* неразлученъ;
Сердечникъ ноетъ все, вздыханьемъ гонитъ вонъ;
Такой-то все молчитъ и погружаетъ въ сонъ;

Та все чинится; та болтлива;
А эта слишкомъ зла, горда, самолюбива." —
Такой отзывъ ея знакомыхъ всѣхъ отбилъ!
Родня и другъ ее забылъ,
Любовникъ разлюбилъ;
Приѣздъ къ пригоженькой невѣжѣ
Часъ отъ часу сталъ рѣже, рѣже —
Осталась, наконецъ, лишь съ гордостью одной —
Утѣшно ли кому съ подругой жить такой,
Надутой, но пустой?
Она лишь пучитъ въ насъ, а не питаетъ душу!
Пожалуй, я въ глаза сказать ей то не струшу.
И такъ *Вѣтрана* съ ней сначала ну зѣвать,
Потомъ ужь и грустить, потомъ и тосковать,
И плакать, и гонцовъ повсюду разсылать
За крестной матерью — а та, извольте знать,
Чудесной силою невѣдомой науки
Творила на Руси неслыханныя штуки! —
О если бы возсталъ изъ гроба ты въ сей часъ,
Драгунской витязь мой, о Ротмистръ Брамербасъ,
Ты, бывшій столько лѣтъ въ Малороссійскомъ краѣ
Игралищемъ злыхъ вѣдьмъ! . . . Я помню, какъ во снѣ,
Что ты разсказывалъ еще ребенку мнѣ,
Какъ вѣдьма нѣкая въ сараѣ,
Оборотя тебя въ драгунскаго коня,
Гуляла на хребтѣ твоемъ до полуночи,

Доколѣ ты уже не выбился изъ мочи;
Какимъ ты ужасомъ разилъ тогда меня!
Съ какой бывало ты разсказывалъ размашкой,
Въ колетѣ вохряномъ и въ длинныхъ сапогахъ,
За круглымъ столикомъ, дрожащимъ съ чайной чашкой!
Какой огонь тогда пылалъ въ твоихъ глазахъ!
Какъ волосы твои, сѣдые съ желтиною,
Въ природной простотѣ взвѣвали по плечамъ!
Съ какимъ безмолвіемъ ты былъ внимаемъ мною!
Въ подобномъ твоему я страхѣ былъ и самъ,
Стоялъ какъ вкопанный, тебя глазами мѣрилъ,
И что ужь ты не конь... еще тому не вѣрилъ!
О если бы теперь ты, витязь мой, воскресъ:
Ябъ смѣлый былъ пѣвецъ неслыханныхъ чудесъ!
Не сталъ бы истину я закрывать подъ маску —
Но, ахъ! тебя ужь нѣтъ, и быль идетъ за сказку.
Простите! виноватъ! немного отступилъ;
Но, истинно, не я, восторгъ причиной былъ;
Однако я клянусь моимъ Пермесскимъ богомъ,
Что буду продолжать обыкновеннымъ слогомъ;
И такъ дослушайтежь. Однажды, вечеркомъ,
Сидитъ, облокотясь, *Вѣтрана* подъ окномъ,
И возведя свои уныло-ясны очи
Къ задумчивой лунѣ, сестрицѣ смуглой ночи,
Груститъ и думаетъ: „Прекрасная луна!
Скажи, не ты ли та щастливая страна,

Гдѣ матушка моя ликуетъ?
Увы! не ужель ей, которой небеса
Вручили власть творить различны чудеса,
Невѣдомо теперь, что дочь ея тоскуетъ;
Что крестница ея оставлена отъ всѣхъ,
И въ жизни никакихъ не чувствуетъ утѣхъ?
Ахъ, если бы она хоть глазки показала!" —
И съ этой мыслью вдругъ *Всевѣда* ей предстала.
Здорово, дитятко! *Вѣтранѣ* говоритъ:
Какъ поживаешь ты? . . . Но что твой кажетъ видъ?
Ты такъ стара! такъ похудѣла!
И бывши розою, какъ лилія блѣдна!
Скажи мнѣ, отъ чего такъ скоро ты созрѣла?
Откройся . . . — „Матушка! отвѣтствуетъ она;
Я жизнь мою во скукѣ трачу;
Настанетъ день, тоскую, плачу;
Покроетъ ночь, опять грущу,
И все чего-то я ищу."
Чего же, свѣтикъ мой? Или ты нездорова? —
„О! нѣтъ, грѣшно сказать." Иль домъ вашъ не богатъ? —
„Повѣрьте, не хочу ни мраморныхъ палатъ."
Иль мужъ обычая лихова? —
„Напротивъ, врядъ найти другова,
Который бы жену столь горячо любилъ."
Иль онъ не нравится? — „Нѣтъ, онъ довольно милъ."

Такъ развѣ отъ своихъ знакомыхъ неспокойна? —
„Я болѣе отъ нихъ любима, чѣмъ достойна.“
Чего же, глупенька, тебѣ не достаетъ? —
„Признаться, матушка, мнѣ такъ наскучилъ свѣтъ,
И такъ я все въ немъ ненавижу,
Что то одно и сплю и вижу,
Чтобъ какъ-нибудь попасть отсель
Хотя за *тридевять* земель;
Да только, чтобы все въ глазахъ моихъ блистало,
Все новостію поражало
И рѣдкостью мой умъ и взоръ;
Гдѣбъ разныхъ дивностей соборъ
Представилъ быль, какъ небылицу...
Короче: дай свою увидѣть мнѣ столицу!“
Старуха хитрая, кивая головой,
Что дѣлать, мыслила, мнѣ съ прозьбою такой?
Желанье дерзко . . . безразсудно,
То правда; но его исполнить мнѣ нетрудно;
Зачѣмъ же дурочку отказомъ огорчить! . . .
Къ томужь, я тѣмъ могу ее и поучить.
Изрядно! наконецъ сказала:
Исполнится, какъ ты желала. —
И вдругъ, о чудеса!
И крестница и мать взвились подъ небеса
На лучезарной колесницѣ,
Подобной въ быстротѣ синицѣ,

И меньше, нежель въ три мига,
Спустились въ новый міръ, отъ нашего отмѣнный,
Въ которомъ тронъ веснѣ воздвигнутъ неизмѣнный!
Въ немъ рѣки какъ хрусталь, какъ бархатъ берега,
Деревья яблонны, кусточки ананасны,
А горы всѣ или янтарны, иль топасны.
Каковъ же Феинъ былъ дворецъ — признаться вамъ,
То врядъ изобразитъ и Богдановичь (*) самъ.
Я только то скажу, что всѣ матеріалы
(А впрочемъ выдаю я это вамъ за слухъ),
Изъ коихъ Феинъ кумъ, какой-то славный духъ,
Дворецъ сей сгромоздилъ: лишь изумрудъ, опалы,
Порфиръ, лазурь, пиропъ, кристаллъ,
Жемчугъ и лаллъ,
Всѣ, словомъ, рѣдкости богатыя Природы,
Какими свадебны набиты Руски оды;
А садъ — повѣритель? — не только описать,
Иль въ сказкѣ разсказать,
Но даже и во снѣ его намъ не видать!
Пожалуй, выдумать нетрудно:
Но все то будетъ мало, скудно,
Иль много, много, что во тьмѣ кудрявыхъ словъ
Удастся Сарское село тебѣ представить,
Армидинъ садъ, иль Петергофъ;
Такъ лучше этотъ трудъ оставить

(*) Ипполитъ Ѳедоровичъ, Авторъ Поэмы: *Душенька*.

И далѣ продолжать: *Вѣтрана*, николи
Диковинокъ такихъ не видя на земли,
Со изумленьемъ всѣ предметы озираетъ,
И мыслитъ, что мечта во снѣ надъ ней иг-
раетъ;
Войдя же въ храмины чудесницы своей,
И пуще щурится: то блескъ отъ хрусталей,
Сребристыя луны сражаяся съ лучами,
Которыебъ почлись за солнечные нами,
Какъ яркой молніей слѣпитъ *Вѣтранинъ* взоръ;
То перламутръ хруститъ подъ ней, или фар-
форъ. . . .
Ахти! опять понесъ великолепный вздоръ!
Но быть ужь такъ, когда пустился.
И такъ, переступя одинъ, другой порогъ,
Лишь къ третьему пришли, богатый вдругъ чер-
тогъ
Не вѣтеркомъ, но самъ собою разтворился!
Ну, дочка, поживай и веселися здѣсь!
Всевѣда говоритъ: не только дворъ мой весь,
Но даже и духовъ подземныхъ и воздушныхъ,
Велѣніямъ моимъ послушныхъ,
Даю во власть твою; сама же я, мой свѣтъ,
Отправлюся на мало время —
Вѣдь у меня заботъ беремя —
Къ сестрѣ, съ которою не видѣлась сто лѣтъ;
Она недалеко живетъ отсюда — въ Колѣ;
Да по дорогѣ ужь оттолѣ

Зайду и къ брату я,
Камчатскому Шаману.
Прощай душа моя!
Надѣюсь, что тебя довольнѣе застану. —
Тутъ коврикъ *самолетъ* она подостлала,
Ступила, свиснула, и вмигъ изъ глазъ ушла,
Какъ будто бы и не была.
А удивленная *Вѣтрана*,
Какъ новая Діана,
Осталась между Нимфъ, исполненныхъ заразъ;
Онѣ тотчасъ ее подъ ручки подхватили,
Помчали, и за столъ роскошный посадили,
Какого и *видомъ не видано* у насъ.
Вѣтрана кушаетъ, а дѣвушки прекрасны,
Изъ коихъ каждая почти, какъ ты . . . мила,
Поджавши руки вкругъ стола,
Поютъ ей аріи веселыя и страстны,
Стараясь слухъ ея и сердце услаждать.
Потомъ она едва задумала вставать,
Вдругъ — дѣвушекъ, стола не стало,
И залы будто не бывало;
Ужь спальней сдѣлалась она!
Вѣтрана чувствуетъ пріятну томность сна,
Спускается на пухъ изъ розъ въ сплетенномъ нишѣ;
И въ тотъ же мигъ смычокъ невидимый запѣлъ,
Какъ будто бы самъ Дицъ за пологомъ сидѣлъ;
Смычокъ часъ отъ часу пѣлъ тише, тише, тише,

И вмѣстѣ, наконецъ, съ *Вѣтраною* уснулъ.
Прошла спокойна ночь; Натура пробудилась;
Зефиръ вспорхнулъ,
И жертва отъ цвѣтовъ душистыхъ воскурилась;
Взыгралъ и солнца лучь, и голосъ соловья,
Сліянный съ сладостнымъ журчаніемъ ручья
И съ шумомъ рѣзваго фонтана,
Воспѣлъ: „Проснись, проснись, щастливая *Вѣтрана*!"
Она проснулася, и спальная ужь садъ,
Жилище райское веселій и прохладъ!
Повсюду чудеса Вѣтрана обрѣтала:
Гдѣ только ступитъ лишь, тутъ роза разцвѣтала;
Здѣсь рядомъ передъ ней лимонны дерева,
Тамъ миртовый кустокъ, тамъ нѣжна мурава
Отъ солнечныхъ лучей какъ бархатъ отливаетъ;
Тамъ рѣчка по песку златому протекаетъ;
Тамъ свѣтлаго пруда на днѣ
Мелькаютъ рыбки золотыя;
Тамъ птички гимнъ поютъ Природѣ и веснѣ,
И попугаи голубыя
Со Эхомъ въ запуски твердятъ:
„*Вѣтрана*! насыщай свой взглядъ!"
А къ полднямъ новая картина:
Садъ превратился въ храмъ,
Украшенный по сторонамъ
Столпами изъ рубина;

И съ сводомъ, сдѣланнымъ на образъ облаковъ
Изъ разныхъ въ хрусталѣ цвѣтовъ.
И вдругъ отъ свода опустился
На розовыхъ цѣпяхъ столъ круглый изъ сребра
Съ такоюжь пищей, какъ вчера,
И въ воздухѣ остановился;
А подъ *Вѣтраной* очутился
Съ подушкой бархатною тронъ,
Чтобы съ него ей кушать,
И пѣніе, какимъ гордилсябъ Амфіонъ,
Тѣхъ Нимфъ, которыя вчера служили, слушать.
„По чести, это рай! Ну, если бы теперь,
Вѣтрана думаетъ, подкрался въ эту дверь...“
И слова не скончавъ, въ трюмо она взглянула —
Сошла со трона и вздохнула!
Что дѣлала потомъ она во весь тотъ день,
Признаться, сказывать и лѣнь,
И не умѣется, и было бы не кстатѣ;
А только обьявлю, что въ этой же палатѣ,
Иль въ храмѣ, какъ угодно вамъ,
Былъ и вечерній столъ, приличный лишь богамъ,
И что на утро былъ день новыхъ превращеній
И новыхъ восхищеній;
А на другой день тожь. — „Но что это за міръ?
Вѣтрана говоритъ, гармоніи внимая
Висящихъ по стѣнамъ золотострунныхъ лиръ:
Все эдакъ, то тоска возьметъ и среди рая!

Все чудо изъ чудесъ, куда ни поглядишь;
Но что мнѣ въ томъ, когда товарища не
вижу?
Увы! я пуще жизнь мою возненавижу!
Веселье веселитъ, когда его дѣлишь."
Лишь это вымолвить успѣла,
Вдругъ набѣжала тьма, всталъ вихорь, грянулъ
громъ,
Ужасна буря заревѣла;
Все рушится, падетъ вверхъ дномъ,
Какъ не бывалъ волшебный домъ;
И бѣдная *Вѣтрана*,
Блѣдна, безгласна, бездыханна,
Стремглавъ летитъ, летитъ, летитъ —
И гдѣжь, вы мыслите, упала?
Средь страшныхъ Муромскихъ лѣсовъ,
Жилища вѣдьмъ, волковъ,
Разбойниковъ и злыхъ духовъ!
Вѣтрана возрыдала,
Когда опомнившись узнала,
Куда попалася она;
Всѣ жилки съ страха въ ней дрожали!
Ночь адская была! ни звѣзды, ни луна,
Сквозь чернаго ея покрова не мелькали:
Все спитъ!
Лишь воетъ вѣтръ, лишь кустъ шумитъ,
Да изъ дупла въ дупло сова перелетаетъ,
И изрѣдка въ глуши кукушка занываетъ.

Сиротка думаетъ, идти ли ей, иль нѣтъ,
И ждать, когда луны забрезжетъ блѣдный
свѣтъ?
Но это часъ воровъ! и такъ она рѣшилась
Не мѣшкая идти; и такъ перекрестилась,
Вздохнула, и пошла по вязкому песку
Со страхомъ и тоскою;
Блѣднѣетъ и дрожитъ, лишь ступитъ шагъ
ногою;
Тамъ предвѣщаетъ ей послѣдній часъ: *куку*!
Тамъ лѣшій выставилъ изъ-за деревьевъ роги;
То слышится *ау*; то вспыхнулъ огонекъ;
То вѣдьма кошкою бросается съ дороги,
Иль кто-то скрылся за пенекъ;
То по лѣсу раздался хохотъ,
То вой волковъ, то конской топотъ.
Но сердце въ насъ вѣщунъ: я самъ то испыталъ,
Когда мои стихи въ Журналы отдавалъ;
Не даромъ и *Вѣтрана* плачетъ!
Ужь въ самомъ дѣлѣ кто-то скачетъ
Съ рогатиной въ рукѣ, съ пищалью за плечьми.
Стой! стой! онъ гаркаетъ, сверкаючи очьми:
Стой! кто бы ты ни шелъ, по волѣ, иль неволѣ,
Иль свѣта не увидишь болѣ!...
Кто ты? нагнавъ ее, онъ грозно продолжалъ;
Но видя, что у ней страхъ губы оковалъ,
Беретъ ее въ охапку
И поперегъ кладетъ сѣдла,

А самъ, надвинувъ шапку,
Припавъ къ лукѣ, летитъ какъ изъ луку
стрѣла,
Летитъ, исполненный отваги,
Чрезъ холмы, горы и овраги;
И *Клязьмы* доскакавъ высокихъ береговъ,
Бухъ прямо съ нихъ въ рѣку, не говоря двухъ
словъ;
Вѣтранажъ: ахъ!... и пробудилась. —
Представьте, какъ она взглянувши удивилась!
Вся горница полна людей:
Мужъ въ головахъ стоялъ у ней;
Сестры и тетушки вокругъ ея постели
Въ безмолвіи сидѣли;
Въ углу приходской попъ молился и читалъ;
Въ другомъ углу колдунъ *досужій* (*) бормоталъ;
У шкафажъ за столомъ, восчанкою накрытымъ,
Прописывалъ рецептъ хирургусъ изъ Нѣмчинъ,
Которой по Москвѣ считался знаменитымъ,
За тѣмъ что былъ одинъ.
И все собраніе *Вѣтраны* съ первымъ взо-
ромъ:
Очнулась! возгласило хоромъ;
Очнулась! повторяетъ хоръ;
Очнулась! — и весь дворъ

(*) Въ старину ихъ называли *досужими*. См. Ядро Росс. Истор. К. Хилкова.

Запрыгалъ, заплясалъ, воскликнулъ: слава Богу!
Боярыня жива! нѣтъ горя намъ теперь;
А въ эту самую тревогу
Вошла *Всевѣда* въ дверь
И бросилась къ *Вѣтранѣ*.
„Ахъ, бабушка! за чѣмъ явилась ты не ранѣ?
Вѣтрана говоритъ: гдѣ это я была?
И что я видѣла? . . . Страхъ . . . ужасъ!“ —
Ты спала,
А видѣла лишь бредъ, *Всевѣда* отвѣчаетъ:
Прости, развеселясь старуха продолжаетъ,
Прости мнѣ, милая! я видѣла, что ты
По молодости лѣтъ ударилась въ мечты;
И для того, когда ты съ просьбой приступила,
Трехсуточнымъ тебя я сномъ обворожила,
И въ сновидѣніяхъ представила тебѣ,
Что мы, всегда чужой завидуя судьбѣ
И новыхъ благъ желая,
Изъ доброй воли въ адъ влечемъ себя изъ рая.
Гдѣ лучше, какъ въ своей родимой жить семьѣ?
И такъ, впередъ страшись ты покидать ее!
Будь добрая жена и мать чадолюбива,
И будешь всѣми ты почтенна и щастлива. —
Съ симъ словомъ бросилась *Вѣтрана* обнимать
Супруга, всѣхъ родныхъ и добрую *Всевѣду*.
Потомъ всѣ сродники приглашены къ обѣду;
Наѣхали, нашли, и сѣли пировать:

Ужь липецъ зашипѣлъ, все стало веселѣе,
Всякъ пьетъ и говоритъ, любуясь на бокалъ:
„Что матушки Москвы и краше и милѣе?“ —
На силу досказалъ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Смѣсь.

Стран.

Тибуллова Элегія 1

Счетъ поцѣлуевъ 6

Признаніе 8

Сила любви 9

Элегія 10

Горлица и прохожій 11

Споръ на Олимпѣ 12

Пѣсни.

Къ Ѳ. М. Д. * * * сочинившему голосъ на пѣсню мою: Голубокъ 30

Стансы. Къ Н. М. Карамзину 31

Наслажденіе 34

Стансы 36

Быль 37

Старинная любовь. Баллада 39

Меланхоликъ. Романсъ, подражаніе Французскому 42

Людьмила. Идиллія 44

Мадекасская плѣнница 45

Отъѣздъ 47

Стран.

Каррикатура 50

Надписи къ портретамъ 55

Эпитафіи 56

Эпитафія Эпитафіямъ 58

Кенотафія 59

Экспромтъ на игру Г. Дица 60

Мадригалы 61

Надписи къ портретамъ 62

Къ Венериной статуѣ 64

Эпиграмма 65

Надписи къ Амуру 66

Къ Альбому Е* С* О . . . . й 67

——— К* Н* И* К . . . й 68

Къ * * *, которая хотѣла испортить часы . . 69

Слабость 70

На случай полученія отъ неизвѣстной особы вышитаго на канвѣ Генія 71

Загадка 72

Путешествіе 73

Къ пріятелю, который, по сходству двухъ различныхъ фамилій, часто принималъ одну вмѣсто другой 74

Близнецы 75

Амуръ и Дружба 76

Стран.

Исторія любви 77

Люблю и любилъ 78

Супружняя молитва 79

Къ * *. О выгодахъ быть любовницею Стихотворца 80

Къ * * *, при сообщеніи ей другихъ стиховъ . 84

Къ младенцу 87

Къ А — Г — С . . . . й, на вызовъ ея написать стихи 90

Къ ней же 92

Къ ней же, въ день ея рожденія 94

Къ Машѣ. 95

Грусть 97

Сказки.

I. Филемонъ и Бавкида 101

II. Модная жена 108

III. Воздушныя башни 116

IV. Картина 125

V. Причудница 128

275p

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Dmitriev, Ivan I.,

Sočinenija

Bd.: 2 (1818)

Moskva 1818

Opp. 665 p-2
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10605944-8